35918
ВБЪ

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ЛИХАЧЕВЪ
И ЕГО РАБОТА
„СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ВО ФЛОТѢ".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1912.

1142
V

ПРОВЕРЕНО 54 г.

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

Библиотека
К. И. Самойлова.
№ 606

359А8 : 359А7
Л 65

ПРОВЕРЕНО 51 г.

Проверено | 2015

Вице-Адмиралъ
ИВАНЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ ЛИХАЧЕВЪ.

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

13/IX 40г. БИБЛИОТЕКА 1 ОТДЕЛА Главного Морского Штаба РКК № 386 МОСКВА

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ЛИХАЧЕВЪ.

(Къ пятилѣтію со дня смерти)

1907 $\frac{15}{XI}$ 1912.

«Все направлять къ одной и единственной цѣли—къ военной готовности морского вѣдомства».
(Служба Генеральнаго Штаба во флотѣ).
«Больше и лучше любить свое отечество тотъ, кто имѣетъ духъ раскрывать ему его ошибки и недостатки».
(Служба Генеральнаго Штаба во флотѣ).

«*Человѣкъ* останется всегда самымъ привлекательнымъ и возвышеннымъ предметомъ изученія для человѣчества. The noblest study of mankind is man. Люди спеціальные находятъ въ этихъ сочиненіяхъ тьму поучительныхъ для себя подробностей, уроки мудрости, купленной часто дорогимъ опытомъ, и обогащаютъ свое спеціальное образованіе» такъ начинаетъ капитанъ 2-го ранга Иванъ Ѳедоровичъ Лихачевъ свою замѣтку объ адмиралѣ В. А. Корниловѣ, при которомъ онъ состоялъ во время войны флагъ-офицеромъ.

Судьба не дала этому даровитому сподвижнику Корнилова славы своего учителя, но въ исторіи флота второй половины XIX столѣтія имя его несомнѣнно займетъ видное мѣсто—оно тѣсно связано съ первымъ появленіемъ русскихъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ и занятіемъ въ 1861 г. о-ва Цусимы, имѣвшаго такое роковое для насъ значеніе въ войнѣ 1904—05 гг. Другимъ, также не получившимъ осуществленія, но выдвинутымъ И. Ѳ. Лихачевымъ вопросомъ была убѣдительно высказанная имъ мысль о необходимости службы генеральнаго штаба во флотѣ.

тѣхъ, которыя обыкновенно возлагаются на «флагъ-офицеровъ»... Каждый изъ насъ имѣлъ спеціальныя порученія. Самъ неутомимо дѣятельный, Корниловъ умѣлъ заставлять осмысленно работать и всѣхъ окружающихъ».... На долю И. Ѳ. Лихачева сначала выпала тяжелая и отвѣтственная обязанность составленія плана эвакуаціи нашей позиціи на Корабельной сторонѣ и переправы оттуда войскъ къ главнымъ силамъ въ городъ, а затѣмъ и по приготовленію моста для переправы черезъ Большую Севастопольскую бухту, по которому и совершилось отступленіе нашихъ войскъ изъ Севастополя 27-го августа 1855 г.

«Если Корниловъ, говоритъ И. Ѳ. Лихачевъ, старался одушевить войска своими пламенными рѣчами, если онъ говорилъ солдатамъ: «Отступленія ни въ какомъ случаѣ не будетъ», и пр., то какъ трезво мыслящій предводитель, онъ не могъ этого думать въ душѣ и заботился о возможномъ упорядоченіи отступленія, если бы оно сдѣлалось неизбѣжнымъ. Надо было разработать и приготовить на всякій случай планъ отступленія съ Городской стороны и переправы гарнизона на Сѣверную. Было сдѣлано полное росписаніе этой операціи, въ которой должны были принять участіе всѣ наши средства— немногочисленные пароходы, имѣвшіеся при эскадрѣ, и всѣ гребныя суда, сколько ихъ можно было набрать. Корниловъ желалъ, чтобы все, касающееся этого плана, содержалось въ полномъ секретѣ. Я долженъ былъ приходить съ своимъ докладомъ по этому порученію поздно вечеромъ, когда всѣ расходились и самъ адмиралъ удалялся на покой въ свою спальню. По наружности, я занимался устройствомъ и урегулированіемъ ежедневнаго правильнаго сообщенія по бухтѣ между осажденнымъ городомъ и его базою, т. е. Сѣверною стороною, откуда шло все снабженіе и всѣ подкрѣпленія гарнизона. Такимъ образомъ всѣ переправочныя и перевозочныя средства оставались съ этого времени и до конца обороны на моихъ рукахъ, и я старался ихъ поддерживать, сохранять и исправлять, насколько это было возможно. Но, конечно, не будь построенъ мостъ черезъ Большую Севастопольскую бухту, этихъ средствъ было бы далеко недостаточно, чтобы

позволить намъ, послѣ взятія Малахова кургана, совершить эвакуацію города такъ успѣшно, какъ это удалось сдѣлать».

Послѣ смерти Корнилова весь его штабъ перешелъ къ новому начальнику адмиралу М. Н. Станюковичу, «при чемъ по распоряженію свыше» велѣно было оставить каждаго изъ чиновъ при тѣхъ занятіяхъ и порученіяхъ, какими они вѣдали раньше. Такимъ образомъ И. Ѳ. Лихачевъ и остался завѣдующимъ всѣми сообщеніями по бухтѣ, и всѣ переправочныя средства находились въ полномъ его распоряженіи до конца осады.

Наканунѣ оставленія Севастополя И. Ѳ., распоряжаясь на переправѣ, былъ сильно контуженъ въ голову и отнесенъ въ госпиталь, такъ что при самомъ отступленіи войскъ черезъ мостъ не находился, что, конечно, нисколько не умаляетъ его незамѣтной, но чрезвычайно важной дѣятельности при Севастопольской оборонѣ. За свои военные труды И. Ѳ. былъ награжденъ въ 1854 г. чиномъ капитана 2-го ранга, въ 1855 г. орденомъ св. Анны 2-й ст., въ 1856 г. св. Станислава 2-й ст. съ мечами, а 26-го августа того же года произведенъ въ чинъ капитана 1-го ранга, имѣя всего 30 лѣтъ отъ роду.

Послѣ окончанія войны въ 1857 г. И. Ѳ. привелъ изъ Балтійскаго моря въ Черное три винтовыхъ корвета, и остался въ Черномъ морѣ Начальникомъ Штаба при Завѣдующемъ Морскою Частью въ Николаевѣ контръ-адмиралѣ Г. И. Бутаковѣ. Какъ извѣстно дѣятельность Морского вѣдомства въ Черномъ морѣ послѣ Восточной войны была направлена не къ возстановленію нашихъ морскихъ силъ, а согласно Парижскому договору къ ликвидаціи всего существующаго; И. Ѳ. пробылъ здѣсь не долго: 10-го марта 1858 г. онъ назначенъ былъ адъютантомъ къ Великому Князю Генералъ-Адмиралу Константину Николаевичу и принялъ дѣятельное участіе въ разработкѣ всѣхъ замышляемыхъ имъ по флоту преобразованій.

Архивъ И. Ѳ. Лихачева, сохраняющійся въ настоящее время въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ, краснорѣчиво говоритъ о дѣятельности И. Ѳ.—нѣтъ положительно ни одного вопроса, надъ которымъ не задумывался бы и который не пытался бы рѣшить его пытливый умъ; изъ всѣхъ его мыслей особенно инте-

ресной и получившей осуществленіе надо считать ту, въ которой высказывается взглядъ (*) И. Ѳ. на необходимость дальнихъ плаваній въ самостоятельныхъ эскадрахъ.

«Для настоящихъ военныхъ назначеній могутъ служить только большія суда, пишетъ онъ, которыя давали бы возможность совмѣстить отличную ходкость при обоихъ двигателяхъ съ просторомъ и удобствомъ помѣщенія. Все равно будутъ ли они корветы или фрегаты,—пусть носятъ артиллерію, какую въ состояніи будутъ поднять, не умаляя тѣхъ ихъ достоинствъ о коихъ сказано выше (хотя сообразуясь съ тѣмъ, что имѣется у другихъ націй, можно сказать, что только нынѣшніе фрегаты большого размѣра могутъ дѣйствительно имѣть чувствительное вліяніе на ходъ морской войны),—*только не держите эти суда въ нашихъ замкнутыхъ моряхъ, гдѣ они, какъ рыба вытащенная на берегъ*. Удаляйте ихъ отъ береговъ Европы, гдѣ перевѣсъ другихъ морскихъ державъ такъ угнетителенъ для нашей маленькой морской силы: ихъ настоящій элементъ—просторный океанъ. Задавайте имъ безпрестанно дальнія плаванія, хотя бы и ненужныя, какъ говоритъ К.; не ограничивайте ихъ поприща дорогою къ Амуру и обратно, на которой они посѣщаютъ только небольшое число портовъ, въ которые имъ едва ли придется заглянуть въ военное время; держите ихъ въ океанѣ, въ Китайскомъ и Индійскомъ моряхъ, естественномъ поприщѣ ихъ военныхъ подвиговъ въ случаѣ войны. Пусть они сдѣлаютъ тамъ «einheimisch» во всѣхъ закоулкахъ и пріобрѣтутъ *короткое знакомство со всѣми мѣстными обстоятельствами—одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ успѣха*. Поручите распоряженіе ими одному изъ лучшихъ вашихъ моряковъ, одному изъ тѣхъ, къ которому имѣете болѣе довѣренности и на которыхъ возлагаете болѣе надеждъ въ будущемъ, смѣняя его отъ времени до времени, не слишкомъ однако же часто, чтобы дать ему возможность ознакомиться съ обширнымъ и малоизвѣстнымъ краемъ. Тогда во первыхъ, эти Ваши enfants perdus не будутъ спрашивать у Васъ изъ Петербурга разрѣшенія войти въ докъ, когда судно течетъ такъ, что на

(*) Арх. адм. Лихачева. № 79. Записка о состояніи флота. Январь 1859 г.

водѣ не держится, а во вторыхъ, у Васъ образуются со временемъ *настоящіе адмиралы*, которые будутъ страшиться одного только *суда моряковъ всѣхъ націй, будутъ бояться одной отвѣтственности передъ отечествомъ*, ввѣрившимъ имъ драгоцѣнныя средства и интересы,—и которыхъ не будетъ вгонять въ идіотизмъ страхъ Начальства въ лицѣ разныхъ Департаментовъ и разныхъ Командировъ, Главныхъ и не главныхъ. Морской офицеръ, адмиралъ живущій на берегу и кумулирующій въ своей особѣ и сухопутное и гражданское управленіе, никогда не въ состояніи распоряжаться морскими силами такъ, какъ требуютъ истинные морскіе интересы. Дуализмъ его положенія никогда не допуститъ его посвятить всѣ усилія и всѣ помышленія свои морскому дѣлу»...

Такъ убѣдительно доказываетъ И. Ѳ. въ своей запискѣ «О состояніи флота», поданной Генералъ-Адмиралу, необходимость самостоятельной морской силы на дальнемъ востокѣ. «Можно, кажется, не боясь ошибиться, говорить утвердительно, продолжаетъ онъ, что правительство наше въ этомъ случаѣ, понимаетъ правильно свои интересы и хочетъ морского значенія для націи; иначе для чего бы было это стремленіе расширять и безъ того почти неизмѣримые предѣлы?... и чтобы быть послѣдовательными не слѣдуетъ останавливаться вдругъ на первомъ шагѣ, поставившемъ насъ въ одинаковое положеніе съ другими, но, соразмѣряя средства съ цѣлью, стараться пріобрѣсти и сохранить возможное нравственное вліяніе на эти страны, хотя бы для того, чтобы онѣ не подпали исключительному вліянію того или другого направленія, одинаково для насъ непріязненныхъ. Понятно какія средства должны быть для этого выбраны: миссіонерство, торговля, преимущественно морская, вообще умноженіе всякаго рода сношеній, и наконецъ, постоянное присутствіе значительной силы, *внушающей* и вкореняющей *уваженіе къ націи*, и всегда готовой грознымъ видомъ своимъ поддержать и доставить защиту нашимъ интересамъ, духовнымъ и торговымъ. Итакъ не одно только предвидѣніе войны съ одною изъ морскихъ державъ, войны, которая можетъ и никогда не случиться, но болѣе осязаемые и существенные интересы побуждаютъ насъ

держать значительныя силы въ тѣхъ моряхъ, и для распоряженія ими, по нашему мнѣнію необходимо, учредить званіе Начальника станціи, въ чемъ мы имѣемъ готовый примѣръ всѣхъ другихъ націй. *Флагманъ, находящійся самъ на мѣстѣ, поспѣетъ въ мирное время слѣдить за всѣми нашими интересами, успѣетъ достаточно познакомиться съ мѣстными обстоятельствами и, составивъ себѣ напередъ планъ дѣйствій, въ случаѣ войны вѣроятно извлечетъ возможную пользу изъ находящихся на мѣстѣ силъ».*

Какъ современны настоящимъ взглядамъ мысли И. Ѳ. Лихачева, высказанныя болѣе полувѣка тому назадъ.

Затѣмъ переходя къ типу новыхъ кораблей, И. Ѳ., основываясь на горькомъ опытѣ Севастополя, горячо стоитъ за необходимость постройки блиндированныхъ фрегатовъ,—«нѣтъ сомнѣнія, пишетъ онъ, что та нація, которая успѣетъ опередить другія въ этомъ отношеніи, будетъ имѣть огромный перевѣсъ въ морской войнѣ. Цѣлыя эскадры лучшихъ кораблей должны будутъ обращаться въ бѣгство при появленіи одного блиндированнаго фрегата, который при этомъ условіи соединялъ бы и морскія качества, требуемыя отъ всякаго мореходнаго судна. Ссылаясь на то, что мы говорили въ началѣ этой записки о невозвратимыхъ послѣдствіяхъ, которыя имѣетъ иногда медленность и излишняя осторожность, отвращающая отъ нововведеній, мы повторимъ еще, что *въ мирное время недостаточно только слѣдить за тѣмъ, что дѣлается у другихъ морскихъ націй*, дожидаясь чтобы они дошли до положительныхъ и совершенныхъ результатовъ. Такимъ образомъ *мы будемъ всегда назади и дорого поплатимся за неблагоразумную экономію и излишнюю скупость на опыты.* Если бы мы были въ состояніи передъ началомъ войны преобразовать нашъ флотъ, то онъ могъ бы принести намъ какую-нибудь пользу,—а не погибъ бы весь безполезно, и не были бы безполезно истрачены для государства всѣ огромные капиталы, которыхъ онъ стоилъ. Въ нашъ вѣкъ нескончаемыхъ совершенствованій и преобразованій въ морскомъ искусствѣ единственное средство не быть назади другихъ,—*это стремиться быть впереди всѣхъ».*

Какъ извѣстно, изъ за сокращенія смѣты морского министерства, къ постройкѣ броненосныхъ судовъ у насъ не приступали до 1863 г., времени польскаго возстанія, когда возможныя осложненія съ Франціей и Англіей заставили рѣшиться на этотъ предуказанный И. Ѳ. шагъ. Что касается другой его мысли о необходимости учрежденія самостоятельнаго отряда судовъ въ водахъ Тихаго океана, то она получила осуществленіе въ 1860 г. по слѣдующему поводу (*).

«Въ 1860 году, пишетъ самъ И. Ѳ., я былъ адъютантомъ Великаго Князя Константина Николаевича. Занимаясь въ тѣ годы съ увлеченіемъ тѣмъ, что касалось флота, пробужденнаго его энергіей къ новой жизни, молодой Генералъ-Адмиралъ не переставалъ интересоваться и вопросами нашей внѣшней политики, въ особенности восточной, и ему нерѣдко доставлялись изъ министерства иностранныхъ дѣлъ для прочтенія болѣе интересные документы и бумаги. Великій Князь, зная, что я уже прежде по случайностямъ службы бывалъ въ разныхъ мѣстахъ на востокѣ и имѣлъ потому нѣкоторое понятіе о нашихъ тамошнихъ интересахъ и дѣлахъ, иногда удостоивалъ разговаривать со мной объ этихъ предметахъ».

«Такъ было и въ настоящемъ случаѣ, о которомъ я собираюсь говорить. Это происходило въ первыхъ числахъ января 1860 года. Я былъ съ Великимъ Княземъ въ Кронштадтѣ, куда онъ нерѣдко уѣзжалъ на нѣсколько дней, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, проводя время въ осмотрѣ разныхъ портовыхъ учрежденій и въ морскихъ бесѣдахъ съ адмиралами и капитанами о нуждахъ и потребностяхъ, стремленіяхъ и надеждахъ флота. Очень длинное и подробное донесеніе Игнатьева изъ Пекина (**), если не ошибаюсь, отъ 2 или 3 ноября 1859 г., было прислано Его Высочеству въ Кронштадтъ для прочтенія съ увѣдомленіемъ, что для рѣшенія возбужденнаго Игнатьевымъ вопроса, Государь предполагаетъ созвать неболь-

---

(*) Архивъ адм. Лихачева. № 96. Къ исторіи политики нашей въ Китаѣ и участія въ ней нашего флота.

(**) Ген. м. Н. П. Игнатьевъ находился тамъ со средины 1859 г. полномочнымъ посломъ для заключенія договора о границахъ Россіи съ Китаемъ.

шой Комитетъ въ своемъ присутствіи, въ который и Великій Князь будетъ приглашенъ».

«Великій Князь далъ мнѣ прочесть этотъ интересный документъ и, когда я его возвратилъ, спросилъ меня, что я объ этомъ думаю?»

«Въ донесеніи своемъ Игнатьевъ, увѣдомляя, что онъ не можетъ ничего добиться отъ Китайскаго Правительства просилъ, чтобы ему разрѣшено было выѣхать изъ Пекина черезъ Монголію въ Сибирь, и вмѣстѣ съ тѣмъ, для того чтобы заставить Китайцевъ уступить нашимъ требованіямъ, было одновременно послано предписаніе Генералъ-Губернатору Восточной Сибири вступить съ войсками въ Монголію съ цѣлью демонстраціи или начала военныхъ дѣйствій противъ Китая. (Такое же воинственное настроеніе раздѣлялось и Генералъ-Губернаторомъ, графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ, и, можетъ быть имъ же и было внушено)».

«Съ одной стороны, было очевидно, что Игнатьеву нельзя было и не слѣдуетъ оставаться болѣе въ Пекинѣ,—но съ другой казалось, что ему не слѣдовало выѣзжать въ Сибирь и еще менѣе нужно было начинать военныя дѣйствія противъ Китая. Я бывалъ прежде въ тѣхъ мѣстахъ и зналъ, что для предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій у насъ не было ничего готово и не имѣлось въ Восточной Сибири ни силъ, ни средствъ—да и если бы они и были, то разстояніе отъ границъ нашихъ до Пекина такъ велико, что та сравнительно слабая демонстрація, которую мы могли сдѣлать въ Монголіи, не произвела бы большого впечатлѣнія на центральное правительство въ Пекинѣ. Наконецъ и моментъ для того казалось былъ избранъ весьма неподходящій, ибо всѣмъ извѣстно было, что въ это самое время готовилась уже большая франко-англійская экспедиція въ отмщеніе понесенной этими союзниками въ предшествуемомъ году неудачи, и что экспедиція эта съ открытіемъ весны должна была явиться въ Сѣверномъ каналѣ и потому не трудно было предвидѣть, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ китайцы будутъ побѣждены и разбиты на голову и ихъ настоящая непреклонность и высокомѣріе обратятся въ униженіе и полную уступчивость. Нашъ посланникъ или

уполномоченный, сохраняя строгій нейтралитетъ, но оставаясь на мѣстѣ, въ Китаѣ, будетъ имѣть возможность слѣдить за ходомъ событій, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что рано или поздно наступитъ такой психологическій моментъ, когда китайское правительство будетъ радо опереться на кого нибудь и будетъ само искать чьей нибудь поддержки и можетъ быть посредничества, чтобы уладить свои дѣла съ западными державами; оставаясь на мѣстѣ, мы всегда будемъ готовы на такую роль и въ такомъ случаѣ безъ всякихъ усилій и даже безъ особенной ловкости съ нашей стороны, легко достигнемъ для себя всего, что мы можемъ отъ Китая желать. Это представлялось въ порядкѣ вещей, но для этого нужно было только, чтобы Игнатьеву предписано было не уѣзжать изъ Китая, а переѣхать на нашу эскадру, которая для этой цѣли можетъ быть собрана въ китайскихъ водахъ, а остальное могло быть предоставлено его находчивости и ловкости,—какъ оно впослѣдствіи и исполнилось».

«Великій Князь согласился съ моей аргументаціей, но слѣдовало еще придумать какія у насъ имѣлись средства, чтобы составить предположенную эскадру. Въ это время у насъ было нѣсколько мелкихъ судовъ отчасти въ пути «на Амуръ», какъ тогда говорилось (1 корветъ и 2 клипера), другія зимовали тамъ, на мѣстѣ, однако на эти послѣднія нельзя было много разсчитывать. Но можно было, какъ и было сдѣлано, взять изъ Средиземного моря одинъ изъ двухъ находившихся тамъ фрегатовъ, который мѣсяца черезъ 4 могъ достигнуть Китайскаго моря. Обѣщая защищать задуманный планъ дѣйствій въ предстоящемъ Комитетѣ, Великій Князь желалъ чтобы я приготовилъ о томъ ему памятную записку. Тогда я попросилъ у него позволенія отправиться въ Петербургъ чтобы по справкѣ въ Морскомъ Министерствѣ обставить нашу программу положительными и болѣе точными свѣдѣніями чѣмъ тѣ, которыя могли быть у меня въ головѣ».

«На другой день, когда я въ Петербургѣ занимался составленіемъ этой записки, ко мнѣ пріѣхалъ курьеръ съ приглашеніемъ явиться къ Великому Князю въ Мраморный дворецъ Оказалось что получивъ наканунѣ вечеромъ увѣдомленіе, что

Государь назначилъ собраніе Комитета на слѣдующій день, Великій Князь ночью возвратился изъ Кронштадта и когда я къ нему явился, онъ уже успѣлъ вернуться изъ засѣданія Комитета и встрѣтилъ меня словами: «Ну, все кончено; Государь на все согласился и все будетъ сдѣлано «по нашему». Черезъ нѣсколько дней вѣроятно около 15 или 20 января была послана Игнатьеву новая инструкція—выѣхать изъ Пекина, но въ ожиданіи событій оставаться на эскадрѣ».

Естественно, что собрать ее было поручено инициатору вышеуказанныхъ блестящихъ мыслей—самому И. Ѳ. Лихачеву.

27-го января онъ покинулъ Петербургъ и изъ Франціи отправился на пассажирскомъ пароходѣ на востокъ, куда и прибылъ въ концѣ мартѣ; въ концѣ апрѣля отрядъ И. Ѳ. былъ собранъ въ Печилійскомъ заливѣ у р. Пейхо, начались сношенія съ г.-м. Игнатьевымъ и 20-го мая онъ прибылъ на эскадру, гдѣ и оставался около $2^1/_2$ мѣсяцевъ. Затѣмъ вслѣдъ за союзными силами англичанъ и французовъ Игнатьевъ двинулся въ Пекинъ, китайцы дѣйствительно были разбиты и русскому посланнику пришлось сдѣлаться уполномоченнымъ между воюющими сторонами. Результатомъ же услугъ, оказанныхъ Россіей Китаю, было и заключеніе 2-го ноября 1860 г. давно жданнаго договора между Россіей и Китаемъ, подъ названіемъ Пекинскаго—суть котораго состояла въ томъ, что китайское правительство подтвердило и дополнило Айгунскій договоръ, и самымъ положительнымъ образомъ признало за Россіей весь Амурскій и Уссурійскій край, какъ и пространство земли ограниченное р. Уссури, озеромъ Ханкай, моремъ и рѣками Суй-Фынь и Тумень, на которое мы въ сущности не имѣли права, если бы мы основывались только на одномъ указѣ богдыхана сообщенномъ въ 58 г. графу Путятину (*).

Но кромѣ описаннаго чрезвычайно удачного выполненія Лихачевымъ задуманнаго плана, онъ не задумался взяться за

(*) Подробности дѣйствій ген. Игнатьева изложены въ трудѣ барона А. Буксгевдена. Русскій Китай. Очерки дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ. I. Пекинскій договоръ 1860 г. Портъ-Артуръ. 1902 г.

выполненіе другого предписанія Великаго Князя и Муравьева, относившагося не къ нему, а къ адм. Козакевичу, Командиру Сибирской флотиліи и портовъ Восточнаго океана—о занятіи десантомъ Новгородской бухты въ заливѣ Посьетъ. Зная, что таковое предписаніе не можетъ быть выполнено ранней весной изъ-за льда, и опасаясь что бухта эта, фактически не принадлежавшая Россіи, можетъ быть занята англичанами и французами, И. Ѳ. Лихачевъ по дорогѣ въ Печилійскій заливъ зашелъ на транспортѣ «Японецъ» въ бухту Посьетъ, гдѣ послѣ личнаго осмотра имъ берега, свезенъ былъ десантъ изъ 21 человѣка подъ командой лейт. П. Назимова и мичмана Бенковича.

Въ предписаніи лейт. Назимову говорилось: «въ случаѣ прихода иностранныхъ судовъ *вы поднимете флагъ вашъ* и на вопросы ихъ будете отвѣчать, что занимаемое вами мѣсто и портъ находятся на землѣ, утвержденной за Россіей Айгунскимъ трактатомъ въ 1858 году и заключающей все пространство до корейскихъ владѣній, и что вы здѣсь находитесь для пробной разработки угля».

Такова вторая заслуга И. Ѳ. Лихачева въ дѣлѣ закрѣпленія за нами областей Дальняго Востока, она мало кому извѣстна (*), но въ свое время встрѣтила горячую оцѣнку какъ графа Муравьева, назвавшаго даже самую гавань «Лихачевскою», такъ и Великаго Князя и самаго Государя.

«Козакевичъ вышелъ очень поздно по разнымъ причинамъ; *но слава Богу*, что Лихачевская гавань занята была уже Личевымъ» писалъ графъ Муравьевъ Генералъ-Адмиралу. «Тринадцатилѣтнія постоянныя стремленія мои къ достиженію тѣхъ видовъ, которыя должна имѣть Россія на Восточномъ Океанѣ, писалъ (**) Муравьевъ самому Лихачеву, даютъ мнѣ нѣкоторое право и поставляютъ меня въ обязанность искренно благодарить Васъ, Милостивый Государь Иванъ Федоровичъ,

---

(*) Эпизодъ этотъ освѣщенъ довольно подробно въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1892 г. № 3 А. Бѣломоромъ. Кто занялъ Новгородскую гавань въ 1860 году?

(**) Архивъ адм. Лихачева. № 101. Письмо графа Муравьева-Амурскаго отъ 29-го октября 1860 г.

за занятіе Новгородской гавани, какъ за важное содѣйствіе къ исполненію Правительственныхъ видовъ въ странѣ, устройство и развитіе которой обязано постоянному покровительству и дѣятельности Государя Великаго Князя Константина Николаевича, котораго Вы имѣете счастье быть адъютантомъ».

Самъ Великій Князь былъ даже удивленъ успѣхами своего адъютанта: «Любезнѣйшій Лихачевъ! писалъ (*) онъ. Ты совершеннѣйшій молодецъ, и я обнимаю Тебя мысленно отъ всей души! Твои два письма отъ мая мѣсяца изъ Бейтана, меня несказанно обрадовали и удивили. Я никогда не воображалъ чтобы всѣ наши планы, которые въ январѣ мѣсяцѣ, вечеромъ въ Кронштадтѣ (помнишь ли?) мы съ Тобой сочиняли, могли до такой степени буква въ букву исполниться, и исполниться такъ счастливо и такъ во время; чтобъ Тебѣ удалось выручить Игнатьева изъ его непріятнаго положенія въ Пекинѣ, и принять его на наши суда *до* прихода иностранцевъ. Повторяю снова, что Ты совершеннѣйшій молодецъ и что я обнимаю Тебя отъ всей души. Всѣ письма Твои я давалъ читать Государю, и онъ въ высшей степени доволенъ тѣмъ, что Ты на пути изъ Хакодате въ Бейтанъ зашелъ въ заливъ Посьета и занялъ его десантомъ, не дожидаясь для сего никакого особаго приказанія. Говоря объ этомъ съ княземъ Горчаковымъ въ моемъ присутствіи, онъ выразился, что именно такихъ людей любитъ и цѣнитъ, которые не боятся отвѣтственности и умѣютъ распоряжаться въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и находиться что дѣлать, и что какъ они рѣдки! Однимъ словомъ онъ въ высшей степени доволенъ Тобою, и Твоими распоряженіями».

За свою дѣятельность на Востокѣ И. Ѳ. получилъ орденъ св. Владиміра 3 ст., а въ апрѣлѣ 1861 г., имѣя всего 35 лѣтъ отъ роду, чинъ контръ-адмирала, но все же онъ былъ не доволенъ: онъ считалъ, что заключенію выгоднаго Пекинскаго договора Россія больше всего обязана флоту и возму-

(*) Императорская Публичная Библіотека. Отдѣлъ рукописей. Собственноручное письмо Великаго Князя Генералъ-Адмирала на имя И. Ѳ. Лихачева отъ 26-го іюля 1869 года.

щался игнорированіемъ имъ передъ общественнымъ мнѣніемъ страны.

«Я думаю что мой долгъ, писалъ онъ (*) 9-го апрѣля 1861 г. Генералъ-Адмиралу, какъ Начальника эскадры и какъ Русскаго, доложить теперь Вашему Высочеству, что благополучнымъ исходомъ дѣла Россія обязана ничему иному, какъ идеѣ перенести пребываніе Посольства на эскадру и тому энергичному усердію, съ которымъ эскадра эта выполнила Ваши предначертанія. Съ апрѣля по декабрь мѣсяцъ, толкаясь на самой негостепріимной и заразительной якорной стоянкѣ, я долженъ доложить Вамъ, что подчиненные мои хорошо и честно исполнили свой долгъ, и считалъ бы достаточнымъ ограничиться этимъ, но боюсь, что этотъ фактъ пройдетъ незамѣченнымъ и общественное мнѣніе никогда не узнаетъ, что *флоту* Россія обязана трактатомъ 60 года. Въ Россіи даже и государственные люди не вѣрятъ и не понимаютъ значенія и пользы морской силы. Въ этомъ отношеніи намъ еще къ сожалѣнію нужны убѣжденія и доказательства, которыя бы бросались въ глаза толпѣ, и были доступны и слѣпымъ. Если истинныя и тяжелыя подчасъ (какъ напр. настоящая) заслуги наши будутъ проходить незамѣченными, то этого *убѣжденія въ пользѣ флота никогда не народится въ націи, а безъ него и развитіе флота, лишенное поддержки общественнаго мнѣнія, будетъ всегда трудною и непрочною затѣей*».

Такъ думалъ еще въ 1861 году талантливый молодой адмиралъ объ ознакомленіи общества со значеніемъ и необходимостью морской силы для государства. Но одними указанными выше дѣйствіями не ограничилась дѣятельность И. Ѳ.—съ его именемъ неразрывно связано горестное по воспоминаніямъ для русскаго флота имя острова Цусимы; военный умъ молодого Начальника эскадры сразу оцѣнилъ стратегическое положеніе этого пункта для дальнѣйшаго развитія Россіи на Дальнемъ Востокѣ; не подлежитъ сомнѣнію, что онъ думалъ объ этомъ еще по дорогѣ на Востокъ, въ дневникѣ И. Ѳ. отъ 4-го апрѣля

(*) Архивъ адм. Лихачева № 111. Книга отпусковъ писемъ Великому Князю и другимъ лицамъ. 1860—61 гг.

1861 г. (онъ прибылъ въ Хакодате только 3-го числа) записано:

«По слухамъ дошедшимъ до Гашкевича, Англичане имѣютъ виды на этотъ островъ. Японцы сами ему говорили объ этомъ, и онъ писалъ въ Министерство Ин. Дѣлъ. *Мы должны тамъ ихъ предупредить*».

И съ этого начинается дѣятельность (*) И. Ѳ. по устройству на о-вѣ Цусимѣ русской станціи.

21-го мая 1860 г. И. Ѳ. отправляетъ докладную записку Генералъ-Адмиралу о значеніи о-ва Цусима и въ частномъ письмѣ къ нему объясняетъ свою поспѣшность: «Я считаю долгомъ объяснить, что поторопился сдѣлать это не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ собственно потому, что движенія Англичанъ заставляютъ быть весьма недовѣрчивымъ и не терять времени. Во всякомъ случаѣ *я не могу отказаться отъ моего убѣжденія въ необходимости для насъ этого пункта* и счелъ долгомъ заявить сколь возможно скорѣе мой взглядъ передъ В. И. Высочествомъ. Можетъ быть, по обсужденіи этого вопроса будетъ признана за благо отказаться ото всѣхъ претензій и даже допустить островъ перейти во владѣніе къ Англичанамъ или другой націи. Такое рѣшеніе можетъ произойти отъ *Авторитета* предъ которымъ должны молчать личныя мнѣнія. Это было бы все равно, что *отказаться впередъ отъ всякаго морского значенія въ будущемъ* на Восточномъ океанѣ— но рѣшеніе это быть можетъ внушено другими соображеніями, опровергать которыя я теперь не могу и можетъ быть не имѣю право. Надобно только чтобы рѣшеніе въ томъ или другомъ случаѣ послѣдовало скорѣе. *Я страшусь одного* чтобъ у насъ не вырвали этотъ дрдгоцѣнный кусокъ прежде чѣмъ мы рѣшимся на что нибудь. Если я не ошибаюсь, то консулъ Гашкевичъ писалъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ о слухахъ дошедшихъ до него о пропскахъ Англичанъ».

Въ докладной запискѣ разсматривалось подробно значеніе этого острова для нашихъ морскихъ силъ: «Пріобрѣтеніе При-

(*) Подробно дѣятельность И. Ѳ. Лихачева по занятію о-ва Цусима разобрана А. Бѣломоромъ, въ статьѣ «Тсу-симскій эпизодъ». «Русскій Вѣстникъ» 1897 г. №№ 4 и 5. Часть документовъ приводится оттуда.

Библіотека ... Главнаго ... Штаба ... Москва № 1384

морской области, отъ р. Амура къ югу до р. Тумени, говорилось въ ней, важно для будущаго морского значенія Россіи....

...Но разсматривая всѣ условія подъ вліяніемъ которыхъ будутъ развиваться здѣсь морскія отношенія, нельзя не замѣтить одного обстоятельства, которое заслуживаетъ полнаго вниманія въ настоящую минуту, при устройствѣ владѣній Россіи въ этой части свѣта. Къ числу причинъ по чему у насъ развитіе морской силы не шло соразмѣрно съ развитіемъ сухопутнаго могущества, необходимо прибавить еще, что всѣ наши моря въ Европѣ—моря внутреннія. Въ самомъ дѣлѣ всѣ попытки на соотвѣтствующее морское вліяніе въ Европѣ будутъ чрезвычайно трудны, пока Зундъ и Босфоръ находятся въ чужихъ рукахъ, и пока вся наша морская сила можетъ быть заперта въ своихъ моряхъ. Внимательный взглядъ на карту покажетъ, что и въ Приморской нашей области мы находимся если не въ совершенно одинаковомъ, то въ подобномъ же положеніи. Море омывающее протяженіе этой области, отъ Амура до р. Тумени носитъ названіе Татарскаго пролива и Японскаго моря. Берега его сравнительно бѣдные народонаселеніемъ не представляютъ въ настоящемъ большого интереса; все что въ этой части свѣта богато народонаселеніемъ, торговлей, интересами всякаго рода, не далеко отсюда, но за предѣлами этого внутренняго моря. Оно отдѣляется отъ Восточнаго Океана сплошною грядой острововъ составляющей Японскую имперію. Три прохода ведутъ отсюда въ океанъ: проливъ Лаперуза между островами Сахалиномъ и Матсмаемъ; Сангарскій между Матсмаемъ и Нипономъ; наконецъ Корейскій между Нипономъ и Кореей. Въ первомъ изъ нихъ находится бухта Анава, во второмъ Хакодате, третьимъ командуетъ о-въ Тсу-Сима лежащій по срединѣ пролива. Изъ такого географическаго положенія истекаетъ важность для насъ этихъ пунктовъ и объясняется почему мы обратили рано наше вниманіе на Анаву и Хокадате. *Третій же и самый важный пунктъ до сихъ поръ остается незамѣченнымъ.* Если каждому изъ трехъ проливовъ можетъ быть присвоено названіе дверей въ наше новое внутреннее море, то дозволивъ себѣ провести сравненіе нѣсколько далѣе нельзя не признать Анаву и Хако-

Филиалъ Центральной ВМБ

дате только боковыми дверями, а *главныя ворота будутъ тѣ посерединѣ коихъ, какъ часовой на стражѣ, стоитъ о-въ Тсу-Сима.* Въ самомъ дѣлѣ здѣсь идетъ прямой путь и къ Китаю, гдѣ мы не разъ будемъ призваны играть какую-нибудь роль, и къ важнѣйшимъ пунктамъ Японской имперіи, главные города и главныя силы которой сгруппированы въ южной части ея владѣній. Оба сѣверные прохода ведутъ въ самую пустынную часть Великаго Океана, которая никѣмъ не посѣщается кромѣ нѣсколькихъ китобоевъ; чрезъ Корейскій проливъ мы выходимъ прямо въ моря чрезвычайно оживленныя и богатыя движеніемъ и торговлею. Самое невыгодное для Россіи условіе было бы еслибъ эти пункты находились въ рукахъ сильной и враждебной державы. Затѣмъ было бы лучше, еслибъ они могли оставаться всегда нейтральными, но нейтралитетъ такого государства какъ Японія не можетъ имѣть никакого политическаго вѣса и никогда не будетъ уваженъ. Логическая послѣдовательность заставляетъ сказать, что для отвращенія въ будущемъ того невыгоднаго положенія отъ котораго мы страдаемъ въ Европѣ остается желать одного: *утвердить эти выходы за собой* и если не всѣ три, то по крайней мѣрѣ болѣе важные для насъ. *Я осмѣливаюсь выразить свое мнѣніе,* что хотя бы мы купили новое пріобрѣтеніе и нѣсколько дорогою цѣной, оно не будетъ напрасно потому, что безъ этого всѣ усилія къ развитію морского значенія нашего на Восточномъ Океанѣ могутъ оказаться тщетною и напрасною тратой капитала, времени и трудовъ».

«О-въ Тсу-Сима на новѣйшихъ картахъ изображается въ видѣ двухъ острововъ раздѣленныхъ узкимъ проливомъ. Эти два острова въ сущности, кажется составляютъ только одинъ. Въ этомъ старинныя европейскія карты согласны съ японскими и съ разными отрывочными свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ. Самый проливъ между островами, кажется, только прекрасная натуральная гавань. Тсу-Сима лежитъ въ одной широтѣ съ Южной Каролиной въ Соединенныхъ Штатахъ, съ Южной частью Средиземнаго моря между параллелями Гибралтара и о-ва Мадеры, Алеппо и Дамаска, въ 450—500 миляхъ отъ нашей южной границы, въ такомъ же разстояніи отъ Шанхая,

въ 800 миляхъ отъ рѣки Пейхо, въ 150 отъ Нагасаки и въ 25 отъ Кореи. Островъ простирается около 50 верстъ въ длину и 10 или 15 въ ширину, довольно гористъ; покрытъ богато растительностью и имѣетъ довольно значительное японское народонаселеніе. Онъ управляется князьями на основаніи общей феодальной системы Японской Имперіи. *Для нашихъ эскадръ и судовъ въ здѣшнихъ моряхъ не можетъ быть лучшаго мѣста для отдыха и средоточія.* Сѣверные порты Китая не представляютъ къ этому никакихъ удобствъ. Здѣсь же все, кажется, къ этому способствуетъ; кромѣ госпиталя для больныхъ и пр. Тсу-Сима имѣетъ весьма выгодное положеніе какъ депо для угля если не своего, то японскаго. Значительнѣйшія японскія каменноугольныя копи лежатъ на островѣ Фирадо менѣе 100 миль отъ Тсу-Симы».

«Позволю себѣ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, находящемся, повидимому, въ связи съ этимъ предметомъ... есть темные слухи (происходящіе отъ японскихъ чиновниковъ) о какихъ то намѣреніяхъ (или переговорахъ) Англичанъ относительно Тсу-Симы. Принимая всѣ подозрѣнія возбуждаемыя такими и многими другими дѣйствіями съ возможной недовѣрчивостью и не желая вѣрить двуличности со стороны державы, находящейся съ нами въ мирѣ, всетаки, кажется, *наша обязанность не отвлекать нашего вниманія отъ здѣшняго края и въ особенности не терять время. Все что въ настоящую минуту мы оставимъ здѣсь не оконченнымъ и недодѣланнымъ будетъ впослѣдствіи несравненно труднѣе и можетъ обратиться во вредъ намъ*».

«Считаю долгомъ выразить мое мнѣніе что нѣкоторое рѣшеніе этого вопроса, хотя не самое удовлетворительное, можетъ быть возможно путемъ переговоровъ и вообще мирныхъ мѣръ. Задача состоитъ преимущественно въ томъ, чтобы не допустить ни Англичанъ, ни какую-либо другую націю утвердиться на этомъ пунктѣ во вредъ намъ. Этого можно достигнуть болѣе или менѣе слѣдующими способами: 1) пріобрѣсти весь островъ или часть его во владѣніе Государя Императора, или 2) добиться по крайней мѣрѣ уступки нѣкотораго мѣста на берегу для нашихъ магазиновъ, госпиталей

и пр. и устроить тутъ пребываніе нашихъ судовъ и эскадръ, или, наконецъ, 3) настоять на томъ, чтобы этотъ островъ оставался закрытымъ для всѣхъ Европейцевъ. Японцы вѣроятно согласились бы охотно на послѣднее, но не надо обольщать себя вѣрою въ солидность такого обѣщанія. При слабости правительства и боязни Европейцевъ оно менѣе всего представляетъ обезпеченіе въ будущемъ. Со своей стороны, я полагаю себя въ правѣ только отправить къ о-ву Тсу-Симѣ одно изъ судовъ эскадры для описи и продолжить его занятія тамъ сколь возможно долѣе, что и будетъ мною исполнено какъ скоро китайскія дѣла дозволятъ это».

Таковы были взгляды на Цусиму И. Ѳ. Лихачева, китайскія дѣла заставили его держать свою эскадру сосредоточенною въ Печилійскомъ заливѣ, и только одинъ корветъ «Опричникъ» былъ оставленъ въ Нагасакахъ за наблюденіемъ дѣлъ въ Японіи, въ которой уже шла борьба противъ сіогуна. И. Ѳ. съ нетерпѣніемъ ожидалъ директивъ изъ Петербурга— но отвѣтъ запоздалъ, и только 12 декабря получено было вышеупомянутое письмо Генералъ-Адмирала отъ 26-го іюля— Государь вполнѣ раздѣлялъ образъ мыслей Лихачева.

«Съ этимъ вмѣстѣ, писалъ Великій Князь, Ты получишь мое официальное отношеніе вслѣдствіе Твоей записки объ Тсу-Сима; но чтобъ Ты вполнѣ его понялъ, мнѣ надо написать Тебѣ нѣсколько объяснительныхъ словъ. Записку Твою я читалъ Государю въ присутствіи Горчакова 22-го іюля. Государь немедленно ее понялъ и понялъ всю дѣйствительную важность Тсу-Симы. Горчаковъ тоже не могъ не признать этой важности, но по своей обыкновенной привычкѣ побоялся чтобъ изъ этого не вышло политическаго вопроса, а главное чтобы намъ изъ за этого не перессориться съ Японцами. Онъ тотчасъ вспомнилъ о разницѣ положенія въ которое себя поставили въ Едо Путятинъ и Муравьевъ, какъ съ Японцами мирно жилъ и ладилъ первый и какъ съ ними чуть чуть не поссорился второй подпявши вопросъ объ Анивѣ. Потомъ онъ рѣшительно не знаетъ кому это дѣло поручить, а что поручить его Игнатьеву ему рѣшительно не хочется. Кончилъ онъ тѣмъ, что просилъ меня его отъ этого дѣла освободить, и

что нельзя ли смотрѣть на него, не какъ на дѣло дипломатическое, а какъ на вопросъ чисто морской, и по этому поручить его Тебѣ. Я разумѣется былъ очень радъ этому обороту и тотчасъ согласился; намъ же лучше. Вотъ почему и написалъ я Тебѣ, что дѣло это должно имѣть характеръ морской сдѣлки, а не дипломатическаго трактата. Дѣло въ томъ чтобъ мы могли основать въ этомъ островѣ морскую станцію àla Villa-franca. Для этого никакой дипломаціи не нужно, и никто этого лучше Тебя самого не сдѣлаетъ. Если сможешь Ты ограничиться мѣстными сношеніями съ островскими властями, или еще лучше безъ всякихъ сношеній, par le fait accompli, но только такъ чтобъ отъ японцевъ не было офиціальнаго протеста, такъ какъ Американцы напримѣръ поселились въ Лу-чу, это было бы лучше всего».

«На счетъ Твоихъ будущихъ дѣйствій, прибавлялъ Великій Князь, Ты самъ лучшій судья. Когда разыграется китайская драма, и когда Ты покончишь съ Тсу-Сима, Ты бы могъ и возвратиться тѣмъ путемъ, который признаешь удобнѣйшимъ и полезнѣйшимъ, и можешь отпустить Свѣтлану, или самъ на ней идти.—Вполнѣ предоставляю это Твоему усмотрѣнію и отсюда Тебя стѣснять отнюдь не хочу».

Такимъ образомъ дипломатія въ лицѣ князя Горчакова отказалась поддержать геніальный планъ Лихачева о пріобрѣтеніи Цусимы; на мѣстѣ, у генеральнаго консула г. Гошкевича, единственнаго представителя русскихъ интересовъ въ Японіи, поддержки тоже не было—наоборотъ Гошкевичъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ крайне неосторожно, и вступалъ въ переговоры чуть ли не со всякимъ встрѣчнымъ японцемъ: дневникъ И. Ѳ. Лихачева изобилуетъ указаніями на полную несерьезность веденія этого дѣла русскимъ консуломъ.

Въ январѣ 1861 г. Лихачевъ получилъ новое письмо отъ Управляющаго Морскимъ Министерствомъ отъ 4 ноября съ припиской Великаго Князя—въ ней Генералъ-Адмиралъ предлагалъ Лихачеву рѣшить споръ между Муравьевымъ, стоявшимъ за устройство порта во Владивостокѣ и адмираломъ Козакевичемъ, стоявшимъ за бухту св. Ольги; вмѣстѣ съ тѣмъ Лихачевъ извѣщался, что на смѣну ему лѣтомъ 1861 г. идетъ

Поповъ «уже начальникомъ Океанской *постоянной* эскадры на основаніи Твоихъ мыслей, которыя Государь вполнѣ принялъ. — Не забудь то, что я писалъ Тебѣ въ Августѣ про Тсу-Симу» прибавлялъ Великій Князь.

Что было дѣлать Лихачеву—онъ ясно сознавалъ, что нуженъ ни Владивостокъ, ни Ольга, а Тсу-Сима, и рѣшилъ ѣхать самъ въ Петербургъ объяснить все Великому Князю и вернуться обратно съ опредѣленными твердыми директивами, въ этомъ смыслѣ имъ и было написано 20 января письмо Великому Князю, а затѣмъ Лихачевъ принялся за подготовку занятія о-ва.

1-го марта 1861 г. корветъ «Посадникъ», подъ командой флигель-адъютанта Н. А. Бирилева, вошелъ въ одну изъ бухтъ Цусимскаго залива и бросилъ якорь у деревни Осаки, а затѣмъ перешелъ въ болѣе удобный заливъ Нусто-Сима, гдѣ ошвартовился, разоружился и занялся капитальнымъ исправленіемъ рангоута, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изслѣдованіемъ водъ самого залива.

Отношенія японцевъ были враждебны и до конца марта ни какихъ сношеній завязать не удалось; посѣтившій Цусиму 27-го марта Лихачевъ остался мало доволенъ успѣхами Бирилева, но послѣдній, хорошо понимая характеръ осторожныхъ туземцевъ не торопился; понемногу онъ склонилъ на свою сторону Цусимскаго князя и въ серединѣ апрѣля уже имѣлъ въ своемъ распоряженіи мѣстныхъ рабочихъ, которые и возвели первыя постройки русскаго порта: онѣ обошлись около 5 000 рублей.

«Цусимскій князь довольно ясно выразилъ чрезъ своихъ довѣренныхъ лицъ флигель-адъютанту Бирилеву, давая ему чувствовать что онъ рѣшился бы окончательно склониться на нашу сторону, если бы Русскіе поселились постоянно на его островѣ и если бы ему была обезпечена неприкосновенность его владѣній и дарована могущественная защита Россіи противъ власти Тайкуна».

Лихачевъ, снова зашедшій 16-го апрѣля на Цусиму, остался доволенъ: «У Бирилева, занесъ онъ въ свой дневникъ 17-го апрѣля, все послѣ-обѣда первый чиновникъ (министръ или

главнокомандующій) князя на большой джонкѣ разукрашенной флагами. Изъ ихъ разговоровъ можно заключить что мы бы здѣсь все сдѣлали если бы у насъ былъ въ Іеддо кто-нибудь кто бы дѣйствовалъ съ нами за одно и сколько-нибудь помогъ бы тамъ подвинуть вопросъ. Всѣ здѣшніе говорятъ только что жена и сынъ князя находятся аманатами въ Іеддо».

Но помогать Лихачеву въ Іеддо было некому, какъ указано выше, Гошкевичъ только мѣшалъ успѣху дѣла, самъ же Начальникъ эскадры дѣлать это не могъ: ему надо было присутствовать при размежеваніи съ Китаемъ на сѣверѣ, къ тому же онъ не былъ на это и уполномоченъ.

Однако онъ всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, какое важное дѣло затѣяно имъ; походъ къ сѣверу только еще больше убѣдилъ его въ необходимости занятія Цусимы—оказалось, что съ ноября по апрѣль «никогда не замерзающія гавани» Новгородская и Владивостокъ были заперты льдомъ.

22-го апрѣля, на другой день по приходѣ въ Новгородскую гавань, онъ писалъ объ этомъ обстоятельствѣ Генералъ-Адмиралу: «....Да не послужитъ это къ тому, чтобы охладить чье либо сочувствіе къ нашему новому краю. Замерзаютъ ли его лучшія гавани ежегодно на 4 или 5 мѣсяцевъ, или составляетъ нынѣшній годъ исключеніе (что конечно, также возможно), не смотря на это обстоятельство я твердо ожидаю великой и богатой будущности, для этой страны. Но для насъ моряковъ и для флота *замерзаніе* гаваней составляетъ вопросъ крайней важности. *Не можетъ юный флотъ развиться тамъ, гдѣ ему надо всѣ усилія и энергію употреблять на борьбу съ естественными препятствіями.* Въ этомъ отношеніи *вопросъ о Тсу-Симѣ* и объ образованіи независимой эскадры Восточнаго Океана *пріобрѣтаетъ особенную важность. Чтобы дать намъ возможность принести всю пользу, какую мы желаемъ и можемъ, сдѣлайте прежде всего наши движенія свободными и дайте намъ свободное, не скованное море.* Я чрезвычайно радъ, что осторожность заставила меня думать и писать, что лучше пока не торопиться выборомъ военнаго порта. Смѣю ли я идти далѣе и сказать, что я полагаю, что военнаго порта въ смыслѣ Николаевска или Севастополя намъ въ этой странѣ

пока вовсе не требуется. *Военный и главный нашъ портъ въ будущемъ на Восточномъ океанѣ долженъ быть Цу-Сима.* Мнѣ слишкомъ тяжелы воспоминанія о Севастополѣ чтобъ искать гдѣ либо второй Севастополь, и я вовсе не понимаю нужды заводить теперь же какія-либо значительныя портовыя учрежденія гдѣ нибудь на Восточномъ Океанѣ. Я хочу сказать только что Цу-Сима должно быть средоточіемъ (центромъ) нашихъ морскихъ движеній въ здѣшнемъ краѣ. Для этого нѣтъ надобности въ самомъ началѣ давать ему большіе размѣры чѣмъ какіе соотвѣтствуютъ морской станціи, гдѣ имѣлись бы склады угля, провизія и т. д. и откуда въ случаѣ войны (съ одной изъ первенствующихъ державъ) все морское могло бы быть вывезено. Настоящія обстоятельства такъ важны, что это привело бы меня къ мысли пользуясь разрѣшеніемъ В. И. В. оставить всѣ другія возложенныя на меня порученія и поспѣшить явиться въ Петербургъ, принявъ на себя отвѣтственность за столь рѣшительный поступокъ. Но чувство долга и буквальной исполнительности, которое спасаетъ насъ отъ многихъ опрометчивыхъ поступковъ, внушаетъ мнѣ твердость покориться волѣ Провидѣнія и только *со страхомъ и трепетомъ* ожидать что будетъ далѣе. *Я теперь смотрю совсѣмъ иными глазами на о-въ Цу-Симу.* Теперь убѣдясь, что гавани залива Петра Великаго доступны для мореплаванія, можетъ быть, не болѣе времени въ году чѣмъ Петропавловская гавань въ Камчаткѣ, *я вижу залогъ развитія нашего флота на Цу-Симѣ* и сдѣлавъ все что я благоразумно могъ къ обезпеченію этого пункта, могу ожидать дальнѣйшаго успѣха только отъ степени участія въ этомъ Вашего Высочества (*). Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ теперь же и безотлагательно рѣшить идти-ли дальше въ вопросѣ объ о-вѣ Цу-Сима или идти назадъ. Остановиться на томъ мѣстѣ гдѣ мы теперь нельзя, и обстоятельства требуютъ разрѣшенія. Вотъ почему къ донесенію моему объ успѣхѣ порученія, которое я возложилъ на Бири-

(*) Пока окончательный успѣхъ этого дѣла можетъ еще подлежать сомнѣнію, слѣдовало бы обратить вниманіе на острова Корейскаго архипелага, между коими надо предполагать существованіе удобныхъ гаваней. *Замѣтка Лихачева.*

лева я рѣшился присоединить записку о нѣкоторыхъ соображеніяхъ относительно будущихъ дѣйствій нашихъ на двухъ пунктахъ весьма для насъ важныхъ (Онава и Тсу-Сима) и 2) другой рапортъ, который буде угодно, можетъ быть употребленъ какъ документъ, посредствомъ котораго можно дать другой оборотъ и официально болѣе или менѣе невинное истолкованіе нашихъ (или моихъ) дѣйствій, *взваливъ всѣ на мою личную инціативу и вину* въ случаѣ если признано будетъ за благо отступить отъ занятой нами позиціи».

«В. И. В. соблаговолите простить спѣшность и неоконченность многаго въ этомъ донесеніи. Я не считаю себя въ правѣ медлить отправленіемъ курьера и не имѣю времени для болѣе отчетливаго изложенія».

Таково было частное письмо къ Генералъ-Адмиралу, въ официальномъ донесеніи Лихачевъ писалъ, что «воля Государя Императора объявленная въ предписаніи отъ 26-го іюля 1860 года приводится въ исполненіе» и сообщалъ то, что сдѣлано было Бирилевымъ.

Во то же время онъ не считалъ своего дѣла оконченнымъ, а въ особой запискѣ излагалъ «мнѣніе относительно дальнѣйшихъ дѣйствій нашихъ въ этомъ вопросѣ».

«Не подлежитъ сомнѣнію, говорилось въ ней, что занятый нами пунктъ на берегахъ залива Тсу-Сима останется навсегда за нами, если только мы сами не пожелаемъ возвратить его. Но..... безъ прямыхъ сношеній съ правительствомъ Тайкуна мы не можемъ обезпечить своего занятія острова съ точки зрѣнія права. Къ этому надо прибавить, что чѣмъ позже мы рѣшимся приступить къ переговорамъ съ центральнымъ правительствомъ, тѣмъ труднѣе будетъ получить его согласіе, въ особенности когда, какъ надобно ожидать, несмотря на всѣ наши усилія держать все дѣло въ возможной тайнѣ, чѣмъ-нибудь пробудится вниманіе другихъ державъ, какъ напримѣръ Англіи. *Вотъ почему я такъ настойчиво повторяю мои убѣжденія о назначеніи аккредитованнаго министра въ Японію.* Нынѣ въ особенности, кажется, эта надобность не терпитъ дальнѣйшаго отлагательства....».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи И. О. объяснялъ, въ чемъ должны были заключаться дипломатическіе переговоры съ Японіей, а затѣмъ переходилъ къ мѣрамъ необходимымъ, по его мнѣнію, «для упроченія нашего положенія».

«Осмѣливаюсь думать что мѣры эти должны заключаться въ слѣдующемъ:

1) Рѣшить какого рода должна быть наша колонія на Тсу-Симѣ. На первое время я полагалъ бы достаточнымъ утвердиться въ занятой позиціи на мысѣ Иммо-саки не распространяясь шире. Позиція эта, сколько я понимаю, составляетъ ключъ для командованія всею бухтой и можетъ быть удерживаема весьма малой силой. Для занятія ея вѣроятно достаточно будетъ одной или двухъ приморскихъ батарей и одного редута на вершинѣ холма А (высота 330 фут.). 2) Сдѣлать распоряженіе о приготовленіи во Владивостокѣ или Новгородской гавани сухопутнаго десанта отъ войскъ Восточной Сибири въ размѣрѣ какой будетъ признанъ возможнымъ и нужнымъ. Отдѣлить для этой цѣли одну или даже двѣ роты пѣхоты съ нѣсколькими горными или десантными орудіями вѣроятно всегда представится возможнымъ. 3) Командировать вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Петербурга или Иркутска искуснаго инженернаго офицера. 4) Для главныхъ батарей воспользоваться морскими орудіями, которыя можно бы было съ пользою снять отчасти съ фрегата «Свѣтлана» и съ судовъ отряда, назначеннаго къ возвращенію въ Кронштадтъ (какъ было сдѣлано флигель-адъютантомъ Поповымъ въ 1859 г.). Это дало бы намъ около 10 орудій большого калибра и совершенно готовыхъ. 5) Наконецъ если бы по ближайшемъ разсмотрѣніи признано было нужнымъ усилить еще средства обороны, то отдѣлить для этой цѣли часть орудій предназначенныхъ для укрѣпленій Николаевска. 6) Подобныя же распоряженія нужно сдѣлать и относительно Анавы. Познакомившись въ извѣстной степени съ общимъ положеніемъ дѣлъ я прихожу къ заключенію, что планъ графа Муравьева-Амурскаго относительно этого пункта долженъ бы былъ быть приведенъ въ исполненіе безотлагательно и одновременно, насколько, конечно, это не будетъ мѣшать распоряженіямъ касательно Тсу-симы, на ко-

торую должно смотрѣть какъ на пунктъ несравненно важнѣйшій. Относительно подробностей занятія залива Анава я не могу говорить съ опредѣлительностью не имѣвъ еще случая лично познакомиться съ мѣстностью, но полагаю что для этого будетъ можно ограничиться даже и меньшими средствами чѣмъ для Тсу-Симы. 7) Послѣ первоначальнаго занятія устройство обоихъ портовъ должно быть поручено извѣстнымъ флотскимъ офицерамъ со званіемъ капитановъ надъ портомъ. Каждому изъ нихъ кромѣ сухопутнаго гарнизона должно бы дать отъ 30 до 50 матросовъ 27-го флотскаго экипажа, какъ портовыя команды съ необходимыми гребными судами и пр. 8) На все время пока оба поста не получатъ надлежащей самостоятельности назначать для поддержки ихъ и содѣйствія при первоначальномъ устройствѣ по крайней мѣрѣ по одному судну отъ эскадры Восточнаго Океана. 9) Оба пункта должны всегда быть снабжены для совершенно самостоятельнаго существованія по крайней мѣрѣ на одинъ годъ. Это должно быть сдѣлано одновременно съ занятіемъ, или по возможности непосредственно вслѣдъ затѣмъ».

Къ сожалѣнію всѣмъ этимъ мыслямъ И. Ѳ., ярко оттѣняющихъ его военное мышленіе, не пришлось осуществиться— произошло это изъ за того, что о занятіи Цусимы русскими узнали англичане, и заявили свой протестъ.

«Такимъ образомъ, говоритъ въ своемъ отчетѣ объ этомъ дѣлѣ И. Ѳ. Лихачевъ, вопросъ имѣвшій до сихъ поръ видъ исключительно частной сдѣлки и не подавшій повода даже ни къ какой перепискѣ, переходилъ на почву дипломатическую, на которую правительство не желало переносить его, и я счелъ себя обязаннымъ, какъ ни хорошо казались устроенными наши дѣла на Тсу-Симѣ, остановить все дѣло впредь до разрѣшенія правительства».

Въ дневникѣ его имѣется отъ 6-го сентября запись:

«Случилось то чего я всегда боялся. Они никакъ не согласятся переварить чтобы *мы* ихъ опередили и утвердились на мѣстѣ, которое они прежде насъ имѣли въ виду. Надо ожидать съ ихъ стороны громкихъ возгласовъ и громкаго протеста въ Петербургѣ. Наше Министерство Иностранныхъ

Дѣлъ поспѣшитъ, конечно, затушить дѣло во что бы то ни стало».

Въ то же время пришло изъ Петербурга и согласіе Великаго Князя на возвращеніе Лихачева обратно—адмиралу оставалось только, уладивъ дѣло на мѣстѣ, спѣшить отстаивать его въ столицу.

Онъ такъ и сдѣлалъ—русское имущество было сдано подъ росписку *до востребованія* Цусимскимъ властямъ, а англійскому адмиралу Гопу сообщено было, что судамъ русскаго флота велѣно «не предпринимать никакихъ изысканій въ тѣхъ водахъ, пока будущія намѣренія Императорскаго Правительства по этому вопросу не сдѣлаются вполнѣ извѣстными».

13-го октября адмиралъ отбылъ въ Россію, куда и прибылъ въ декабрѣ—здѣсь онъ нашелъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и Морское противъ себя, поддержку же только въ Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ.

«Государемъ я былъ принятъ хорошо; но говоря что Онъ вполнѣ понимаетъ и оцѣниваетъ важное для насъ значеніе Тсу-Симы, Онъ приказалъ мнѣ сказать Ему откровенно, думаю ли я, однако, что важность эта столь велика чтобъ изъ-за этого вопроса стоило поссориться и рисковать дойти до разрыва и, можетъ быть до войны съ Англіей?»

«Я отвѣчалъ отрицательно».

Затѣмъ подъ предсѣдательствомъ самого Государя состоялось засѣданіе по вопросу о Цусимѣ. Горчаковъ говорилъ горячо противъ этого занятія, Великій Князь защищалъ сдѣланное—затѣмъ пренія между ними перешли на общія мѣста по всей иностранной политикѣ. Прочіе молчали.

Государь поставилъ тотъ же вопросъ, что и наканунѣ Лихачеву, и рѣшеніе состоялось—*Россія отказалась отъ Цусимы.*

Геніальные замыслы Лихачева потерпѣли пораженіе—молодой Тихоокеанскій флотъ не получилъ своевременно «свободнаго, не скованнаго моря», вся необходимость котораго понята была только значительно позднѣе, но, какъ извѣстно, всѣ попытки Россіи въ этомъ направленіи не имѣли успѣха—Японія изъ слабой, раздираемой междоусобицей страны, стала

могучей державой, и во всеоружіи встрѣтила въ 1904 г. русскія стремленія къ открытому свободному океану.

Что чувствовалъ и переживалъ самъ И. Ѳ. Лихачевъ во время разрѣшенія вопроса о Цусимѣ неизвѣстно, точныхъ данныхъ объ этомъ не сохранилось, но фактъ зачисленія этого талантливаго адмирала въ 1862 г. по резервному флоту стоитъ въ связи съ тѣми взглядами, которые онъ имѣлъ на этотъ, по его мнѣнію, первостепенной важности для развитія родного дѣла вопросъ.

Удаленіе отъ дѣлъ продолжалось однако не долго: И. Ѳ. проводитъ годъ за границей, гдѣ съ обычнымъ рвеніемъ и любовью отдается изученію новыхъ заграничныхъ судовъ—броненосныхъ, пишетъ цѣлый рядъ записокъ по этому вопросу и возвращается въ Россію во всеоружіи знанія.

8-го августа 1863 г. онъ зачисляется снова на дѣйствительную службу и осенью командуетъ отрядомъ крейсеровъ въ Балтійскомъ морѣ.

Съ образованіемъ первой русской броненосной эскадры въ 1864 г. во главѣ ея былъ поставленъ И. Ѳ. Лихачевъ, остававшійся ея Начальникомъ три года; ордена св. Станислава 1-й ст., Анны 1-й ст. съ мечами и зачисленіе въ свиту Государя были наградой талантливому адмиралу за его дѣятельность по организаціи эскадры; цѣлью ея, кромѣ испытанія новыхъ судовъ и ознакомленія съ ними командъ, было и изученіе той мѣстности, среди которой, въ случаѣ войны, могли быть призваны дѣйствовать вновь построенныя суда нашего оборонительнаго броненоснаго флота.

Смѣнившій въ 1867 г. адмирала Лихачева, Г. И. Бутаковъ въ своихъ приказахъ отдаетъ должное дѣятельности И. Ѳ. во время командованія имъ эскадры, указывая на основы многихъ отраслей морского дѣла, разработанныхъ за время съ 1864—1866 г. Высокую оцѣнку получаетъ И. Ѳ. и во время смотра броненосной практической эскадры 1869 г., когда Государь Императоръ выразилъ ему свою благодарность «за начало, которое ты сдѣлалъ для броненосной эскадры».

Плаваніемъ 1866 г. кончается дѣятельность И. Ѳ. непосредственно по строевому флоту—въ декабрѣ онъ назначается чле-

номъ артиллерійскаго отдѣленія морского техническаго комитета, а съ назначеніемъ Г. И. Бутакова Начальникомъ практической эскадры, занимаетъ его мѣсто морского агента во Франціи и Англіи и съ тѣхъ поръ живетъ за границей—въ Парижѣ. Чѣмъ вызвано было назначеніе этого талантливаго строевого офицера на техническое мѣсто неизвѣстно, но дальнѣйшаго движенія И. Ѳ. до конца своей службы такъ и не получилъ.

Въ новомъ положеніи морского агента И. Ѳ. проявляетъ ту же энергію, что и на другихъ мѣстахъ, ревностно изучаетъ все относящееся до своей спеціальности, и своими совѣтами много облегчаетъ дѣятельность Министерства, но примѣнить свой опытъ непосредственно ему не приходится..

Почти, 17 лѣтъ проводитъ онъ на агентскомъ посту, награды идутъ ему въ кратчайшіе сроки, не сообразуясь съ той должностью, какую онъ занимаетъ—въ 1871 г. орденъ св. Владиміра 2-й ст., 1874 г.—чинъ вице-адмирала, 1877 г. орденъ Бѣлаго Орла, 1880 г. орденъ св. Александра Невскаго, 1883 г. алмазные знаки того же ордена—но о возвращеніи въ Россію для примѣненія на дѣлѣ тѣхъ знаній, которыя получены усидчивой работой втеченіе многихъ лѣтъ, нѣтъ и разговора.

Только въ 1882 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ, уже послѣ ухода Великаго Князя Константина Николаевича отъ дѣлъ, И. Ѳ. получаетъ черезъ Управляющаго Морскимъ Министерствомъ адм. Шестакова предложеніе новаго Генералъ-Адмирала занять мѣсто Предсѣдателя Техническаго Комитета во вновь реформированномъ Морскомъ Министерствѣ. И. Ѳ. отказался, онъ не сочувствовалъ перемѣнамъ, онъ, работавшій не покладая рукъ при совершенно другой обстановкѣ при старомъ Генералъ-Адміралѣ, не могъ заставить себя измѣнить этому старому направленію и приспособиться къ новому; онъ считалъ, что новое идетъ не впередъ, а назадъ.

Что это было такъ И. Ѳ. понималъ хорошо, онъ самъ принималъ участіе въ выработкѣ Новаго Положенія. «При послѣднемъ преобразованіи Центр. Упр. Мор. Мин., пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ, со мною довольно много совѣщались;—я же, съ своей стороны, преслѣдуя единственную цѣль *боевой*

готовности флота, въ особенности, обратилъ вниманіе на учрежденіе Гл. Мор. Штаба. Конечно, какъ часто бываетъ, когда дѣло было окончено и утверждено, то я увидѣлъ свои идеи изуродованными..... до неузнаваемости для самого меня».

...«На каждомъ изъ насъ лежитъ обязанность, пишетъ онъ по поводу отказа А. П. Жандру, приносить и жертвовать своими мнѣніями и вкусами, наконецъ, сами собой для общаго блага, когда насъ къ этому призываютъ..... не буду объ этомъ распространяться, я готовъ бы былъ принести эту жертву, но съ однимъ только условіемъ, чтобы жертва была осмысленна и *полезна*, т. е. чтобы она вознаграждалась болѣе или менѣе широкою свободой дѣйствій и возможностью проводить убѣжденія, къ которымъ привелъ опытъ всей жизни и пр.»

Осмысленности жертвы И. Ѳ. однако не находилъ, онъ считалъ, что согласно Новаго Положенія Предсѣдатель Техническаго Комитета «даже не имѣетъ слова въ выборѣ судовъ и пр., а *это самый главный и жизненный вопросъ современнаго флота, для котораго я предполагалъ необходимымъ создать даже новое, несуществующее учрежденіе, подобное сухопутному Генеральному Штабу*» (*).

Въ то же время (10-го октября 1882 г.), И. Ѳ. пишетъ адмиралу Шестакову письмо, къ которому прикладываетъ прошеніе объ отставкѣ—«отказываясь отъ предложенной *чести*, говоритъ онъ въ немъ, я очень хорошо понималъ, что на мнѣ лежитъ обязанность тѣмъ или инымъ путемъ поставить Васъ въ возможность располагать моимъ настоящимъ мѣстомъ по Вашему усмотрѣнію».

«Я отдаю себя въ Ваши руки и вручаю при семъ Всеподданѣйшее прошеніе объ увольненіи меня въ отставку и прошу дать ему надлежащій ходъ, если это согласно съ Вашими видами».

Адмиралъ Шестаковъ далъ ходъ прошенію И. Ѳ. въ августѣ 1883 г., и 28-го числа онъ былъ уволенъ по болѣзни съ тѣмъ же чиномъ вице-адмирала съ мундиромъ и пенсіей,

(*) Архивъ адм. Лихачева № 310. Письмо А. П. Жандру.

о своемъ увольненіи И. Ѳ. узналъ только изъ дошедшаго до него приказа.

Уходъ свой въ отставку Лихачевъ объяснилъ (*) позднѣе нѣсколько рѣзче: «я былъ тогда уже не молодымъ офицеромъ (состоялъ уже лѣтъ 10 въ чинѣ вице-адмирала), говоритъ онъ,—и не могъ сдѣлать себѣ иллюзіи и примириться съ «новымъ курсомъ», такъ рѣзко обозначившимся съ назначеніемъ Шестакова. Въ 1883 г. я вышелъ въ отставку, не унося съ собой другой награды за службу, кромѣ личнаго чувства избавленія отъ участія въ фатальномъ, какъ мнѣ всегда казалось и преступномъ дѣлѣ реакціи и нравственнаго пониженія или «притупленія», что было тогда лозунгомъ для Шестакова и сотрудниковъ его «реформъ».

Выходъ въ отставку Лихачева произвелъ большое впечатлѣніе на моряковъ, лучшіе изъ нихъ, близко знавшіе И. Ѳ. лично, были чрезвычайно огорчены этимъ—«въ лицѣ Вашемъ, писалъ по поводу отставки адмирала Ѳ. В. Дубасовъ, я нашелъ живой примѣръ той горячей любви и высоконравственнаго отношенія къ избранному дѣлу, которыя такъ рѣдки въ наше время, и которыя должны быть такъ цѣнны нашему дорогому, но расшатанному флоту.—Въ этомъ великомъ примѣрѣ, для насъ сильныхъ однимъ желаніемъ быть полезными, но слабыхъ знаніями, опытностью, и главное твердостью духа, заключается лучшая нравственная школа и та необходимая нравственная поддержка безъ которой гибнетъ столько полезныхъ силъ; Вы были для флота въ полномъ значеніи этихъ понятій и тѣмъ и другимъ, и лишаясь Васъ, флотъ понесетъ тяжелый ударъ и невознаградимую утрату. Я позволю себѣ прибавить, что ударъ этотъ почувствуется всѣми знавшими Васъ тѣмъ сильнѣе, что въ числѣ причинъ удаленія Вашего отъ дѣла, которому Вы столько отдали, встревоженному чувству представляется не одна лишь болѣзнь, но и другіе мотивы».

И. Ѳ. ушелъ въ отставку 57 лѣтъ отъ роду, и, казалось бы, на этомъ должно было закончиться жизнеописаніе этого необыкновеннаго человѣка.

(*) Журналъ «Море» 1909 г. № 3. Письмо И. Ѳ. Лихачева.

Но выходъ въ отставку не означалъ для И. Ѳ. удаленія отъ своего родного дѣла—правда онъ не могъ ему отдаваться непосредственно, но слѣдить за дѣломъ всей своей жизни, помогать гдѣ можно своими совѣтами, знакомить русскихъ моряковъ со всѣмъ новымъ появившимся за границей, завязывать сношенія со всѣми новаторами во флотѣ, поддерживать ихъ своимъ добрымъ словомъ, наконецъ, критиковать существующія ненормальности—все это никто не могъ запретить дѣлать отставному адмиралу.

Въ 1884 и 1885 г.г. въ «Морскомъ Сборникѣ» появляются его статьи—«Военныя суда будущаго», «Практическіе пріемы вычисленія водоизмѣщенія и остойчивости», переводъ «О дальнѣйшемъ развитіи германскаго флота», «О тяжелой артиллеріи», разборъ книги адмирала Элліота подъ названіемъ «Тактическіе этюды»—всѣ эти статьи не подписаны именемъ Лихачева. — «Оторванный силою разныхъ обстоятельствъ, пишетъ (*) онъ своему другу адмиралу Асламбегову, отъ своего поприща, думаю что осталось еще нѣчто сдѣлать для родного каждому изъ насъ дѣла. И вотъ съ тѣхъ поръ, что нахожусь въ отставкѣ, началъ помѣщать нѣкоторыя свои работы и замѣтки въ Мор. Сб. и Кр. В.». «Дѣлая это, я думаю, что исполняю свой долгъ относительно своихъ прежнихъ товарищей, стараясь помочь имъ въ разъясненіи того или другого изъ многочисленнѣйшихъ вопросовъ нашей спеціальности. Никакой другой цѣли я не преслѣдую и съ редакторами было условлено, что статьи мои будутъ оставаться неподписанными—именно для того, чтобы они не носили никакого характера личности».

Въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» имъ помѣщено было довольно много статей—«Пробѣлы морского воспитанія» (6 марта 1885 г.), «Число миноносокъ и самодвижущихся минъ» (15 мая 1885 г.), «По поводу столкновенія бр. «Кампердоунъ» и «Викторія» (4 іюля 1893 г.) и другія.

Печатаніе въ «Морскомъ Сборникѣ» однако тяготило его, съ одной стороны, хотя редакторы этого журнала съ большимъ

(*) Архивъ адм. Лихачева. № 329. Письма Асламбегова.

уваженіемъ относились къ нему и очень цѣнили его труды, однако часть ихъ, даже не содержащую въ себѣ никакой критики, не разрѣшено было печатать, съ другой стороны лучшія мысли И. Ѳ., какъ военнаго моряка, шли въ разрѣзъ съ существующимъ положеніемъ флота и Морского вѣдомства— естественно, что онъ и не пытался помѣщать ихъ въ офиціальномъ морскомъ журналѣ. Ѳ. В. Дубасовъ, все время переписывавшійся съ адмираломъ, предложилъ ему печатать свои статьи въ «Гражданинѣ»; «разумѣется писалъ онъ, всѣ статьи эти будутъ печататься во всей ихъ неприкосновенности, и я со своей стороны думаю, что кругъ читателей этихъ статей будетъ гораздо больше и гораздо избраннѣе, нежели кругъ читателей «Морского Сборника».

Въ концѣ концовъ адмиралъ остановился на частномъ морскомъ журналѣ «Русское Судоходство» и въ 1888 году, въ № 24 отъ 22-го іюня появилась его статья, безъ подписи, «Служба генеральнаго штаба во флотѣ», гдѣ со всей силой своего таланта и убѣжденія И. Ѳ. развивалъ свой взгядъ на необходимость учрежденія во флотѣ особаго органа командованія, занимающагося собираніемъ точныхъ свѣдѣній какъ о своихъ силахъ, такъ и объ иностранныхъ, заблаговременнымъ изученіемъ и составленіемъ стратегическихъ плановъ веденія войны, а сообразно съ этимъ выправленіемъ и развитіемъ программы флота, распоряженіями мирнаго времени, относящимися до подготовки флота къ войнѣ и организаціи обороны побережья—словомъ, устройства учрежденія, «задача котораго: *все направлять къ одной и единственной цѣли—къ военной готовности морского вѣдомства*».

Приводя ниже статью И. Ѳ. Лихачева цѣликомъ, излишне останавливаться на ея деталяхъ; что реформа, предлагаемая геніальнымъ умомъ И. Ѳ., была необходима говорить не приходится, гораздо интереснѣе отмѣтить то впечатлѣніе, которое она произвела своимъ появленіемъ въ морскихъ кругахъ, указаніе на это имѣется въ письмѣ Ѳ. В. Дубасова.

«... Я знаю, пишетъ онъ 19 декабря 1888 года И. Ѳ., что статья Ваша о Генеральномъ штабѣ во флотѣ произвела очень сильное впечатлѣніе.—Вамъ небезъизвѣстно, что слу-

жебная среда наша читаетъ очень мало, но Вашу статью,— можно смѣло сказать,—прочелъ весь флотъ, и въ высшихъ сферахъ она вызвала большое броженіе умовъ. Какъ отнесся къ ней покойный Шестаковъ (*), я не могу сказать Вамъ, но знаю что находясь въ то время въ отсутствіи, онъ лично написалъ много длинныхъ писемъ въ Главный М. Штабъ и потребовалъ къ себѣ массу справокъ и свѣдѣній. — Что касается впечатлѣнія, произведеннаго статьей на массу, то скажу, что мысли Ваши изложены съ такою ясностью и твердостью, что не понять ихъ нельзя; но мысли эти до такой степени новы для той массы, которая копошится въ будничной служебной суетѣ, и тѣхъ правящихъ которые носятъ на себѣ, какъ старый удобный халатъ, рутину сложившагося порядка,— что эта масса и эти правящіе, остались въ нѣкоторомъ недоумѣніи и даже страхѣ передъ призракомъ новаго порядка, который непремѣнно долженъ наложить на каждаго суровую нравственную отвѣтственность. Нужно ли искать другихъ доказательствъ глубокаго упадка, который бѣдный флотъ нашъ переживаетъ. Можно впрочемъ къ нѣкоторому утѣшенію сказать, что въ настоящемъ поколѣніи, т. е. въ средѣ молодыхъ представителей флота, всѣ лучшія силы которыхъ что нибудь обѣщаютъ, отнеслись къ перспективѣ новаго стройнаго порядка, которую Вы нарисовали въ Вашей статьѣ,—съ большимъ сочувствіемъ и даже энтузіазмомъ; но именно за эти то силы и приходится болѣе всего бояться, если существующій режимъ будетъ долго продолжаться».

«Мнѣ сдается, прибавлялъ въ своемъ письмѣ Дубасовъ, что Россія переживаетъ тяжелое время, печать котораго наложена на всѣ наши учрежденія. Нельзя конечно не вѣрить что у насъ довольно свѣжихъ силъ, чтобы пережить эту эпоху; но раньше чѣмъ силы эти могутъ быть вызваны къ пробужденію, я думаю, что намъ суждено еще дорого разсчитаться за наши грѣхи и пройти черезъ тяжелыя злополучія».

Таковъ былъ взглядъ одного изъ тѣхъ, кого несомнѣнно можно было назвать «свѣжей силой» того времени, другой

(*) Адм. Шестаковъ скончался 21-го ноября 1888 года.

такой «силой» былъ А. М. Доможировъ, служившій раньше вмѣстѣ съ И. Ѳ.; послѣдній внесъ много труда для проведенія въ жизнь мыслей отставного адмирала, онъ ясно сознавалъ всю необходимость того что высказывалъ Лихачевъ и ожидалъ что военному отдѣленію Главнаго Морского Штаба удастся выполнить указанныя функціи—«хотя я и не особенный оптимистъ, писалъ онъ И. Ѳ., тѣмъ не менѣе думаю, что отъ Отдѣленія будетъ польза и что оно укажетъ флоту, что «служба генеральнаго Штаба» должна быть и на морѣ и что пока этого не будетъ, до тѣхъ поръ не будетъ и полезнаго уразумѣнія—для чего флотъ нуженъ, и какъ его употребить и отстаивать его самостоятельность отъ посягательствъ сухопутнаго Генеральнаго Штаба».

Печать встрѣтила появленіе статьи неизвѣстнаго автора довольно равнодушно, только почти 3 года спустя (24 марта 1891 г.) въ Кронштадтскомъ Вѣстникѣ появилась статья кап. 2 р. А. Н. Скаловскаго—«Необходимъ-ли «корпусъ генеральнаго штаба во флотѣ», въ которой авторъ возражалъ И. Ѳ. Лихачеву; онъ рѣшалъ вопросъ отрицательно и находилъ, что «нашими морскими академіями генеральнаго штаба» должны быть «морскія собранія», въ нихъ могутъ устраиваться лекціи, дебатироваться доклады, а затѣмъ даже печататься въ «Морскомъ Сборникѣ». Намѣчая такой общій планъ, замѣняющій «не выдерживающій ни малѣйшей критики проектъ факультета генеральнаго штаба при Николаевской морской академіи», авторъ переходилъ къ разбору труда И. Ѳ. и, возражая ему, предлагалъ его же заключительными словами «не ломать существующаго»... «Нѣтъ пророка въ своей странѣ»... заканчивалъ онъ, но наша служба, напротивъ, такова, что настоящій пророкъ только и можетъ выработаться и появиться изъ нашей же страны—палубы судна, честнымъ упорнымъ трудомъ, постоянно овладѣвая уваженіемъ и любовью всего судна, отъ кубрика и нѣтушьей ямы, до единодушной, какъ одно судно, эскадры включительно».

«Вотъ гдѣ наша академія генеральнаго штаба и вотъ откуда были и будутъ наши флотоводцы!»

Разбирать мнѣніе кап. 2 р. Скаловскаго не приходится: оно осуждено уже самимъ временемъ, однако нельзя не сказать, что это то неправильное мнѣніе и восторжествовало.

Какъ извѣстно, изъ благихъ намѣреній людей, понимавшихъ своевременность мыслей Лихачева ничего не вышло, и расплата за это настала въ 1904 году, когда оказалось что плана войны не существуетъ и флотъ къ войнѣ не подготовленъ.

Въ 1896 г. мысли И. Ѳ. получили нѣкоторое осуществленіе: сознана была необходимость высшаго военнаго образованія во флотѣ и при Николаевской Морской Академіи учрежденъ былъ временный курсъ военно-морскихъ наукъ, затѣмъ при курсѣ образовалось общество бывшихъ слушателей, которое поставило себѣ цѣлью продолжать обмѣномъ мнѣній свое военное образованіе. И. Ѳ. въ письмѣ на имя Н. Л. Кладо привѣтствовалъ появленіе этого новаго учрежденія, и съ тѣхъ поръ до самой смерти дѣятельно поддерживалъ сношенія съ иниціаторомъ ихъ; самъ Н. Л. Кладо неоднократно прибѣгалъ къ опытности адмирала, обращаясь за совѣтами, и всегда И. Ѳ. готовъ былъ отвѣчать, помогать всѣмъ чѣмъ только могъ; интересенъ взглядъ его на успѣхъ преподаванія военно-морской науки въ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ: «Лично признаюсь, писалъ онъ въ письмѣ къ Н. Л. Кладо, я никогда не возлагалъ и не возлагаю большихъ надеждъ на успѣхъ преподаванія военно-морской науки въ классахъ, будь это въ Морскомъ Корпусѣ или Академіи. Нѣкоторое классное преподаваніе теоретическихъ основъ этой науки необходимо, но главная цѣль преподаванія должна состоять не въ пичканьи или нагроможденіи всевозможныхъ подробностей, которыя естественнѣе изучаются на практикѣ службы,—а въ томъ чтобы приготовить и направить умъ слушателей къ размышленію о военно-морскихъ задачахъ,—пріучить и пріохотить ихъ къ изученію этихъ задачъ, а для этой цѣли вѣроятно болѣе всего можетъ служить изученіе нашей собственной военно-морской исторіи, разборъ и знакомство съ подвигами (и ошибками) нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Какъ изученіе своего собственнаго (а не чужого) языка должно быть основаніемъ

всякаго раціональнаго обще-образовательнаго воспитанія, такъ на тщательномъ изученіи своего современнаго и прошедшаго въ наиболѣе выдающихся эпизодахъ, нашихъ успѣховъ и нашихъ недочетовъ и ошибокъ, и на ничемъ иномъ—должно быть по преимуществу основано военное образованіе. На школьной скамьѣ (или въ аудиторіи) невозможно научить искусству одерживать морскія побѣды, и не создать боевыхъ флотоводцевъ: но можно подготовить умы слушателей и дать имъ такое оріентированіе, которое руководило бы ихъ въ желаемомъ направленіи, словомъ сдѣлало бы ихъ истинно, а не по мундиру только военными людьми» (*).

Во время войны съ Японіей онъ пишетъ тому же лицу 5-го октября 1904 г.—«Вы могли видѣть какъ уроки дѣйствительнаго военнаго опыта различны отъ книжныхъ, и я не сомнѣваюсь, что Вы обратите особенное вниманіе на разслѣдованіе ошибокъ и промаховъ какъ противниковъ нашихъ, такъ и нашихъ собственныхъ, въ особенности. Такой анализъ несравненно плодотворнѣе всякихъ другихъ методовъ, чтобы вселить военное направленіе мыслямъ учащихся, и конечно, имѣя, небольшой замкнутый кружокъ слушателей-офицеровъ, имѣющихъ нѣкоторую собственную опытность, можно и должно говорить всю правду, хотя и воспрещаемую цензурой».

Такъ реагировалъ И. Ѳ. на пробудившееся въ русскомъ флотѣ сознаніе необходимости изученія военныхъ наукъ. Въ то же время онъ не оставляетъ свою критическую работу, ни одно изъ большихъ событій въ морскомъ мірѣ какъ за границей, такъ и въ Россіи не пропускается его все еще свѣжимъ, хотя и старческимъ умомъ.

«Больше и лучше любить свое отечество тотъ, кто имѣетъ духъ раскрывать ему его ошибки и недостатки» говорилъ онъ въ своемъ трудѣ о генеральномъ штабѣ, и этому взгляду слѣдовалъ неизмѣнно.

Въ 1898 г. онъ напечаталъ брошюру «Дѣло о гибели бр. Гангутъ 12-го іюня 1897 г., около Транзунда», въ которой

(*) По поводу военнаго образованія И. Ѳ. написана замѣчательная статья въ «Русскомъ Судоходствѣ« за 1895 г., № 162. «О высшихъ курсахъ для морскихъ офицеровъ», какъ и прежде не подписанная авторомъ.

старается уяснить себѣ, и другимъ причины этой катострофы: «Не знаю, конечно, какъ другихъ, пишетъ онъ,—но меня по крайней мѣрѣ случаи эти заставляютъ каждый разъ вдумываться въ ихъ происхожденіе и причины столь внимательно и столь глубоко, сколь я только способенъ». «...Я знаю, конечно, что замѣтки мои никому не понравятся и въ награду я не получу ничего кромѣ толчковъ и синяковъ. Зачѣмъ же я тогда пишу. Но я думаю, что мой долгъ и обязанность не скрывать моихъ мнѣній и не оставлять «истины», или того что я считаю истиною «подъ спудомъ», но показать и высказать «истину», какъ бы горька и непріятна она ни была...».

Затѣмъ подробно разбирая катострофу, основываясь на печатавшихся въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» отчетахъ о судѣ, И. Ѳ. безпощадно называетъ всѣ допущенныя ошибки своими именами, и главную причину всего этого видитъ въ отсутствіи настоящаго «морского духа».

«Я не могу и не имѣю намѣренія обвинять кого либо въ недостаткѣ опытности или знаній: въ большей части случаевъ это было бы даже несправедливо, но я могу къ моему прискорбію, констатировать недостатокъ *морского духа и морского самолюбія*, врожденныхъ можно сказать у дѣйствительно морскихъ націй и которые у насъ, какъ не морского народа, могутъ быть только искусственно созданы и подняты. Что это можетъ быть достигнуто искусственно, на то мы имѣемъ по крайней мѣрѣ одинъ убѣдительный примѣръ въ нашей собственной исторіи: Черноморскій флотъ 40—50 годовъ текущаго столѣтія (временъ Лазарева и его учениковъ). Съ тѣхъ поръ, многія перемѣны совершились во флотѣ и не только въ матеріальной части, но и въ нравственномъ его строѣ. Самая дисциплина, корень и основаніе, на которомъ стоитъ и зиждится всякая военная и морская сила,—измѣнила свой характеръ. Современная морская дисциплина не можетъ уже быть тою тираническою и слѣпою дисциплиной, при которой мы старики учились службѣ. Это не значитъ, что она должна ослабѣть, но она должна быть разумнѣе, сознательнѣе и человѣчнѣе, т. е. выше и совершеннѣе прежней. Не измѣнилось одно: *это сущность духа службы, понятіе о святости долга*. Кто

вѣритъ въ святость долга, кто смотритъ на службу отечеству (въ какой бы то ни было публичной должности) какъ на нѣкоторое священнодѣйствіе, тотъ знаетъ и чувствуетъ, что на службѣ не можетъ быть мелочей, которыми мы могли бы пренебрегать и что мы не исполняемъ своего долга, если не вкладываемъ въ исполненіе все свое сердце или всю душу, забывая обо всѣмъ, что лежитъ внѣ этого. И тотъ, кто не вкладываетъ всего своего сердца и всего своего помышленія въ исполненіе службы уже дурной слуга отечества, ибо служитъ какъ служитъ *наемникъ*, преданный своимъ расчетамъ о томъ, какъ бы отдѣлать свой «цензъ», а не какъ истинный *сынъ* отечества, безъ счета и безъ конца преданный одному только общественному дѣлу, которое для него представляется своимъ собственнымъ, кровнымъ. Высокой степени развитія морского искусства также не можетъ существовать тамъ, гдѣ исполнители не проникнуты настоящимъ морскимъ духомъ, пристрастіемъ и любовью къ своему дѣлу, гдѣ занимаются имъ не съ увлеченіемъ любителя, спортмена, а съ хладнокровнымъ равнодушіемъ какъ неизбѣжною, хотя иногда тягостною и неособенно пріятною обязанностью,—ограничивая свой трудъ тѣмъ, что безусловно необходимо, или что въ данную минуту наиболѣе въ ходу или наиболѣе требуется. Какъ скоро нѣтъ горячаго увлеченія своимъ дѣломъ, можетъ быть еще хотя холодное, но корректное и безупречное исполненіе обязанностей, — но на этомъ долго удержаться нельзя; натура возьметъ свое и вскорѣ являются невольныя упущенія, сначала незначительныя, но мало по малу увеличивающіяся, и наконецъ общая апатія и если не положительное отвращеніе, то равнодушіе и «спустя рукавность» или «халатность» отношеній къ обязанностямъ».

«Но бѣда тому учрежденію или флоту, въ которомъ заведется и укоренится эта зараза. Ни громадныя сооруженія, ни всѣ новѣйшія изобрѣтенія, ни милліоны отпускаемые щедротою государства не избавятъ его отъ «спасованія» передъ соперникомъ, въ которомъ господствуетъ болѣе живой, болѣе горячій и болѣе морской духъ. Это нужно твердо себѣ уяснить».

«Большинство нашихъ балтійскихъ моряковъ принадлежитъ къ числу обитатей Кронштадта. Но откровенно полюбить и пристраститься къ своему морскому дѣлу въ Кронштадтѣ невозможно (какъ я думаю невозможно и въ Портъ-Артурѣ)...».

«Можно ли винить въ этомъ нашихъ моряковъ? Они только несутъ на себѣ, съ одной стороны, слѣды незатѣйливаго и съ нѣкоторой точки зрѣнія невѣрнаго и вреднаго воспитанія, полученнаго въ нашихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ (это я полагаю фактъ, съ которымъ спорить нельзя, и потому предпочитаю на этомъ не останавливаться), а съ другой отпечатокъ провинціально-гарнизонной среды, въ которой они родились, живутъ и старѣютъ (и вліяніе среды есть тоже вѣроятно не подлежащій спору фактъ)».

«Если все это такъ, то естественно спросить, гдѣ же лѣкарство противъ констатированнаго зла? и хотя меня лично никто не обязываетъ отвѣчать на этотъ вопросъ,—но я признаюсь съ прискорбіемъ, что я такой панацеи нигдѣ не вижу. Знаю только, что новое вино не вливаютъ въ старые мѣха. Перемѣна направленія взглядовъ и подъемъ духа службы предполагаютъ реформы, предполагаютъ живые примѣры преданности долгу и одушевленной любви къ своему призванію, которые должны дать нравственный толчекъ внутреннему настроенію всего сословія, способный пробудить въ немъ заснувшіе идеалы. Но это воздѣйствіе можетъ происходить только свыше, и надѣяться на такой толчокъ свыше ничто не даетъ права пока и въ высшихъ сферахъ наблюдается та же безпечность, то же равнодушіе и небреженіе своими обязанностями, и преобладаетъ та же забота лишь о своемъ блаженствѣ и благосостояніи и жупрованіи своимъ положеніемъ. Пока существуетъ такое состояніе вещей, то и отъ низшихъ сферъ нельзя ни требовать, ни ожидать лучшаго: это общее явленіе нравственнаго упадка и низкаго уровня духа службы и исправиться ни вдругъ, ни само собою оно не можетъ».

«Но если бы только было понято такое состояніе нашего флота, то и это было бы уже хорошо. Ясное уразумѣніе и

искреннее сознаніе своихъ недостатковъ есть уже полпути къ исправленію».

Таковы были мысли И. Ѳ. о причинѣ упадка «морского духа» въ русскомъ флотѣ до войны.... «Ваша брошюра, писалъ по поводу нея его другъ адмиралъ Асламбеговъ, какъ вѣчевой колоколъ, заставитъ встрепенуться, разбудитъ дремлющихъ, — и укажетъ на опасность идти путемъ халатныхъ отношеній и расшатанной дисциплины. Честь Вамъ и слава, что Вы рѣшились высказать эту суровую правду, для пользы службы дорогого флота. Сердечно благодарю».

Въ другой своей статьѣ, касающейся флота, — «Реформы въ которыхъ нуждается личный составъ флота» (1899 г.), И. Ѳ. высказывалъ что всѣ офицеры должны въ свое время пройти всѣ обязанности нижнихъ чиновъ, послѣдніе же всѣ должны получать на военной службѣ образованіе; для проведенія принципа *взаимозамѣняемости* строевые офицеры должны изучать механику, механики же—кораблевожденіе, послѣднимъ Лихачевъ считалъ необходимымъ дать военные чины.

Кромѣ этихъ работъ И. Ѳ. составилъ двѣ историческія замѣтки «Роль Черноморскаго флота въ Крымскую войну и затопленіе нашихъ военныхъ судовъ въ Севастопольской бухтѣ въ 1854 г.» (1901 г.) и «Въ Севастополѣ 50 лѣтъ тому назадъ» (1904 г.), въ архивѣ же его остался цѣлый рядъ замѣтокъ, касающихся реформъ во флотѣ, и личный дневникъ за время занятія о-ва Цу-сима.

Несмотря на эти труды, свободнаго времени у И. Ѳ. остается много, онъ жаждетъ знаній и дѣятельности, и посвящаетъ свои способности археологіи (*), дѣлу которому со страстью предавался его прадѣдъ, отецъ и родной братъ. Нѣсколько лѣтъ адмиралъ посвящаетъ изученію греческаго, латинскаго, чешскаго, польскаго языковъ, на курсахъ Л. Лежэ онъ знакомится съ славянскими нарѣчіями и серьезно увлекается исторіей церковно-славянскаго и русскаго языковъ. Въ археологіи И. Ѳ. достигаетъ большихъ успѣховъ—первобытныя

(*) Эта часть заимствована изъ некролога И. Ѳ. Лихачева, помѣщенномъ 8 марта 1908 г. въ приложеніи къ «Новому Времени» № 11490. П. П. Лихачевымъ.

древности, древности Востока, византійская, средневѣковая и русская археологія его одинаково интересуютъ; прослушавъ рядъ археологическихъ курсовъ, побывавъ на многихъ съѣздахъ, объѣхавъ европейскіе и русскіе музеи И. Ѳ. сдѣлался настоящимъ спеціалистомъ. Придавая большое значеніе провинціальнымъ музеямъ, И. Ѳ. по смерти брата своего А. Ѳ., тоже археолога и нумизмата, купилъ его богатое собраніе, замѣчательное единственной въ своемъ родѣ коллекціей археологическихъ вещей волжскихъ Булгаръ—и принесъ его въ даръ г. Казани; въ музей же передана была послѣ его смерти и собранная имъ богатая библіотета.

Главнымъ стимуломъ жизни И. Ѳ. всетаки остаются, мысли о родномъ флотѣ и Россіи. Какъ пламенный патріотъ правда скрывающій свое чувство подъ напускнымъ равнодушіемъ, И. Ѳ. реагируетъ на всѣ выдающіяся явленія русской жизни, его пытливый всеанализирующій умъ пытается разрѣшить причины многихъ уродливостей нашей жизни, и онъ приходитъ, наконецъ, къ тому заключенію, что главная причина всѣхъ причинъ лежитъ въ неудовлетворительности народнаго образованія. Мысли его выливаются въ рядѣ брошюръ подъ общимъ названіемъ «Бесѣды о задачахъ народнаго образованія» (*), въ которыхъ И. Ѳ. со свойственной ему глубиной и умомъ высказываетъ много свѣжаго и здраваго. Начиная со студенческихъ волненій, онъ переходитъ затѣмъ къ среднему образованію, въ которомъ стоитъ за открытіе *русской національной гимназіи*, изучающей *русскій языкъ*, *русскую исторію*, *русскую дѣйствительность*, высказываясь противъ «мертвыхъ»

(*) 1. Высшее или спеціальное образованіе и студенческія волненія (1901 г.). 2. Среднее или общее образованіе и національная русская гимназія (1902 г.). 3. Начальное или низшее образованіе и воспитаніе женщинъ (1902 г.). 4. Два вѣроучителя конца XIX столѣтія (о. Іоаннъ Кронштадтскій и гр. Л. Н. Толстой). 5. Преподаваніе религіи въ свѣтскихъ школахъ (1903 г.). 6. Политика и патріотизъ съ воспитательной точки зрѣнія въ школѣ (1904 г.). 7. До школьное воспитаніе и роль женщинъ (1905 г.). Всѣ эти брошюры составляютъ библіографическую рѣдкость, по экземпляру ихъ имѣется въ Императорской Публичной библіотекѣ. Сюда же можно отнести и брошюру «Нѣсколько замѣтокъ для молодыхъ людей начинающихъ общественную жизнь» (1901 г.).

классическихъ языковъ, затѣмъ переходитъ къ начальному образованію, говоритъ объ обязательности его, о широкой постановкѣ этого дѣла, и, наконецъ, приходитъ къ заключенію, что главнѣйшая роль въ воспитаніи поколѣній принадлежитъ женщинѣ. Самъ старый холостякъ, И. Ѳ. такъ заканчиваетъ одну изъ своихъ статей—«въ общемъ успѣхѣ дѣла воспитанія будущихъ поколѣній, не достоинству начальныхъ школъ, а достоинству материнскаго воспитанія будетъ принадлежать первенствующая роль, и до тѣхъ поръ, пока женщина не будетъ на высотѣ своего призванія какъ воспитательница грядущихъ поколѣній, однѣ школы, при всевозможномъ ихъ совершенствѣ, мало помогутъ успѣху народнаго воспитанія».

«Просвѣщайте же и воспитывайте женщинъ, приготовляя ихъ къ великой роли воспитанія,—вотъ заключеніе, къ которому неминуемо приводитъ изслѣдованіе широкой задачи народнаго просвѣщенія. Женское воспитаніе—вотъ центральный пунктъ и центръ тяжести, этой задачи».

«...Должна быть одна цѣль: сформировать воспитываемаго человѣка не по какому-нибудь предвзятому шаблону, а просто «человѣка» въ наивозможно полномъ и наивозможно лучшемъ смыслѣ».

Если бы эта формула была принята—«то всѣ вопросы и задачи народнаго образованія были бы упрощены и наполовину уже разрѣшены».

Мысли о народномъ образованіи были послѣдней печатной работой И. Ѳ. Лихачева. Преклонный старческій возрастъ, военныя неудачи Россіи, внутреннія безпорядки на родинѣ—все это не могло не сказаться на отзывчивомъ, все еще молодомъ душой, адмиралѣ, и 15 ноября 1907 г., на 82-мъ году жизни онъ тихо уснулъ, чтобы никогда болѣе не просыпаться.

Въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ, И. Ѳ. даетъ слѣдующую характеристику своей дѣятельности—онъ называетъ себя «неудачникомъ». «Есть люди, говоритъ онъ, которые на нашемъ языкѣ зовутся неудачниками. Оглядываясь теперь на всю прошедшую дѣятельность собственной жизни, я не колеблюсь причислить самого себя къ числу такихъ не-

удачниковъ. Какъ въ публичной, такъ и въ частной жизни, всякое новое дѣло, которое мною предпринималось и велось въ началѣ съ видимымъ успѣхомъ, оканчивалось обыкновенно ничѣмъ, нерѣдко съ крушеніемъ лучшихъ надеждъ... Конечная цѣль нерѣдко казалась въ виду и уже не очень отдаленною, когда путь къ ней вдругъ пересѣкался. Такъ всегда случается съ неудачниками и ихъ начинаніями».

Дѣйствительно ни одна изъ главнѣйшихъ мыслей И. Ѳ. Лихачева—не была приведена въ исполненіе, но судьба, казавшаяся къ нему такой суровой, жестоко обошлась, подъ конецъ жизни И. Ѳ., и съ противниками взглядовъ этого замѣчательнаго человѣка, и 1904—1905 года ясно доказали правильность мыслей этого непризнаннаго въ своемъ отечествѣ пророка—весь *истинно-военный* складъ его выдающагося мышленія. Война подточила нравственныя и физическія силы И. Ѳ.: съ горечью относясь къ печальной дѣйствительности флота, онъ всетаки, глубоко въ душѣ, имѣлъ маленькую надежду на то, что можетъ и ошибается—ему, пламенному патріоту тяжело было и думать о пораженіи, онъ вѣрилъ въ побѣду, и въ началѣ военныхъ дѣйствій составляетъ даже замѣтку о необходимости снисхожденія къ побѣжденнымъ и однимъ изъ условій заключенія мира съ Японіей ставитъ все ту же мечту, главное дѣло своей жизни—обладаніе Цусимой.

Но дѣйствительность была безпощадна—значеніе острова Цусима ярко обрисовалось и не для просвѣщенныхъ людей, а отсутствіе должной подготовки къ войнѣ подтвердило всю жизненность и своевременность мысли И. Ѳ. о генеральномъ штабѣ, и отставной адмиралъ на 81-мъ году своей жизни дождался, наконецъ, ея осуществленія—учрежденія Морского Генеральнаго Штаба.

Чувствомъ глубокой грусти проникаешься при ознакомленіи съ судьбой И. Ѳ.—жизнь этого человѣка, одареннаго блестящими способностями, большой силой воли, твердымъ характеромъ, могла бы и должна была сложиться не такъ какъ сложилась—и озираясь на нее никакъ нельзя сказать, что онъ совершилъ все полагающееся ему земное. При другихъ обстоятельствахъ, кто знаетъ, быть можетъ этотъ съ головы

до ногъ *военный морякъ* оставилъ бы благодарной родинѣ свое имя, связанное съ цѣлой эпохой возрожденія русскаго флота, продолжавшей расцвѣтъ его послѣ Севастопольскаго погрома — теперь же оно связано съ горькимъ названіемъ роковой Цусимы и Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ.

Но жизнь И. Ѳ. не была безполезна—то что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ совершенно, и самъ онъ навсегда останется намъ «живымъ примѣромъ преданности долгу и одушевленной любви къ своему призванію, который долженъ дать нравственный толчекъ внутреннему настроенію всего сословія, способный пробудить въ немъ заспувшіе идеалы»—въ этомъ и заключается громадное воспитательное значеніе его личности.

И пусть сознаніе того, что мы признали торжество *военныхъ* идей Лихачева, сознаніе того, что мы слѣдуемъ по предуказанному имъ пути, поддерживаетъ силы возрождающагося русскаго флота и его надежды на болѣе славное грядущее...

К. Ж.

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ВО ФЛОТѢ.

«Имѣющій армію — одну руку имѣетъ, а имѣющій армію и флотъ, двѣ руки имѣетъ» (*). Такъ думалъ великій императоръ, создавшій нашу «армію» въ настоящемъ смыслѣ, и основатель нашего флота. Но если бы сравненіе это исходило и не отъ такого великаго человѣка, а отъ какого-нибудь болѣе скромнаго смертнаго, тѣмъ не менѣе, было бы столь же вѣрно и справедливо, ибо мѣтко характеризуетъ сущность дѣла.

Но въ здоровомъ и правильно развитомъ тѣлѣ желательно и надо стремиться къ тому, чтобы обѣ «руки» имѣли одинаковое развитіе, одинаковую силу и ловкость. Если одна рука имѣетъ извѣстные органы, мускулы или нервы, которыхъ другая лишена, то и дѣятельность ихъ будетъ весьма различнаго характера. Одна будетъ полезна, болѣе чѣмъ другая, для организма, которому онѣ обѣ призваны служить. Въ такихъ условіяхъ, какія бы старанія мы ни прилагали, чтобы развить обѣ «руки» государственной силы, никакія усилія и никакія денежныя пожертвованія не приведутъ къ тому, чтобы работа «руки» менѣе совершенной, менѣе богатой органами, была бы столь же удовлетворительна и совершенна, какъ работа другой.

Организація современныхъ сухопутныхъ армій находится на высокой степени благоустройства, вызывающаго невольное удивленіе,—но намъ, принадлежащимъ къ другой отрасли военныхъ силъ, позволительно желать, чтобы и наша отрасль была доведена до такого же совершенства въ своей организаціи. Флотъ и армія имѣютъ одинаковое назначеніе: служить

(*) Все что написано въ текстѣ съ разбивкой подчеркнуто генераломъ Леером; курсивъ относится къ самому адмиралу Лихачеву.

для обороны отечества, для войны. Фундаментальные принципы военнаго искусства тѣ же самые, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, и тѣ же теоретическія истины лежатъ въ основаніи военной науки въ обоихъ случаяхъ,—и вообще, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать натуру и органическій характеръ военныхъ силъ государства, мы встрѣчаемъ, и тутъ, и тамъ, полнѣйшую аналогію; такъ, съ духовно-нравственной стороны, та же присяга связываетъ служащихъ и одинаковая военная дисциплина руководитъ ихъ морально къ одной высокой цѣли; такъ, въ соціальномъ ихъ положеніи въ общемъ государственномъ строю, не допускается или не должно допускаться различіе между двумя отраслями военной службы. Личный составъ нашъ происходитъ изъ одной и той же среды, представляетъ ту же степень нравственной подготовки и носитъ тотъ же отпечатокъ; дѣти однихъ и тѣхъ же родителей, принадлежащія къ одной великой семьѣ, идутъ на службу отечества на сушѣ или на морѣ—какъ броситъ ихъ судьба; но нравственный матеріалъ, представляемый ими, тотъ же самый—и управленіе имъ, конечно, требуетъ тѣхъ же пріемовъ и совершенно такихъ же или сходныхъ органовъ. Смотрѣть ли еще на военныя учрежденія съ какой угодно другой точки зрѣнія, финансовой или экономической,—напримѣръ, съ точки зрѣнія, военнаго хозяйства, контроля и инспекціи власти,—мы находимъ вездѣ тѣ же аналогіи и не встрѣчаемъ коренныхъ различій. Изъ этого надобно заключить, что характеръ и устройство управленія должны быть въ принципахъ, по крайней мѣрѣ, согласны и аналогичны, и въ административной организаціи двухъ сродныхъ вѣдомствъ мы должны ожидать найти и дѣйствительно находимъ тѣ же, соотвѣтствующіе или параллельные органы. Не совсѣмъ, однако: и мы постараемся показать, что одного, по крайней мѣрѣ,—и можетъ быть, самаго важнаго органа,—флоту не достаетъ.

Развитіе военно сухопутныхъ силъ государствъ никогда еще не достигало ничего подобнаго по размѣрамъ, а военно-сухопутное искусство, искусство веденія войны, такой степени утонченной разработки во всѣхъ подробностяхъ, какъ нынѣ.

Что это искусство стоитъ нынѣ на высокой степени совершенства,—въ этомъ, кажется, никто сомнѣваться не можетъ. Тѣмъ интереснѣе и поучительнѣе можетъ быть изученіе механизма, который позволяетъ достигнуть такой степени совершенства и тѣхъ пружинъ и органовъ, которые приводятъ въ дѣйствіе громадную машину современныхъ армій.

На верху, въ головѣ, находится высшее или центральное управленіе, министерство со всѣми его органами; въ низу,—различныя отрасли арміи, или строго спеціализованные части войскъ: пѣхота, кавалерія, артиллерія, инженеры, желѣзнодорожные и этапные отдѣлы, телеграфисты, санитарная и продовольственная части; наконецъ, резервы, и территоріальныя или земскія войска и проч. Каждая изъ этихъ спеціальныхъ отраслей имѣетъ особую соотвѣтственную организацію. Но что было бы, если бы между высшимъ управленіемъ и командованіемъ и всѣми этими многочисленными спеціальными отраслями и ихъ дѣятельностію не было установлено общей взаимной и тѣсной связи? И потому, рядомъ со всѣми этими спеціальностями стоитъ еще особая спеціальная отрасль службы, связующая и уравномѣряющая ихъ дѣятельность и направляющая ее къ одной общей гармонической цѣли: спеціальность или служба «генеральнаго штаба»,—и высокая степень совершенства современной организаціи военно сухопутнаго дѣла, во всѣхъ его отрасляхъ, была бы немыслима, если бы механизмъ не былъ одаренъ такимъ соединяющимъ, регулирующимъ и направляющимъ органомъ, *органомъ распоряженій*, называемымъ «генеральнымъ штабомъ». Въ то же время, учрежденіе это служитъ *органомъ знанія*, централизующимъ депо и хранилищемъ всѣхъ свѣдѣній и справокъ, ибо для того, чтобы хорошо *распоряжаться*, надо все *знать*, и генеральный штабъ долженъ, во всякую данную минуту, знать и имѣть свѣдѣнія обо всемъ, что можетъ быть нужно и полезно знать какъ о своихъ, такъ и о непріятельскихъ силахъ. Эта высокая степень благоустройства современныхъ армій есть, впрочемъ, произведеніе сравнительно недавняго времени. Даже въ началѣ и почти во всей первой половинѣ текущаго столѣтія многое еще дѣлалось по старому и

какъ-нибудь, и о такой степени готовности къ бранному дѣлу, какъ нынѣ не имѣлось и понятія. Къ той же эпохѣ относится и учрежденіе во всѣхъ европейскихъ арміяхъ службы генеральнаго штаба: настоящаго органа военнаго управленія и *командованія*, органа, который признается нынѣ необходимою принадлежностью всякой цивилизованной арміи. Нѣтъ его, развѣ, только въ нѣкоторыхъ азіатскихъ, полудикихъ полчищахъ, стоящихъ на низшей степени военнаго образованія.

На морѣ у насъ, какъ и на сушѣ, также не одно, а нѣсколько различныхъ родовъ оружія и нѣсколько спеціальныхъ отраслей службы, и никто не возьметъ смѣлости утверждать, чтобы военное дѣло на морѣ было проще или менѣе сложно чѣмъ на сушѣ, или что организовать морскую силу и морскую оборону страны было бы легче чѣмъ сухопутную, и что органы и пружины управленія военно-морской силы могутъ быть, поэтому, значительно проще или малочисленнѣе, или что есть такіе органы военно-сухопутнаго управленія, которые въ морской военной службѣ не находятъ аналогичнаго приложенія и вовсе не нужны. Болѣе логично было бы утверждать противное. Пушки и ружья, и всѣ виды оружія, употребляющіеся на сухомъ пути, существуютъ и на морѣ; сухопутнымъ крѣпостямъ соотвѣтствуютъ наши корабли; но наши плавучія крѣпости, съ помощію силы нѣсколькихъ тысячъ паровыхъ лошадей, запряженныхъ въ каждую изъ нихъ, могутъ двигаться и нападать одна на другую; крѣпости эти плаваютъ и перемѣщаются по «всему свѣту», и мы должны умѣть ихъ водить по «всему свѣту», или по крайней мѣрѣ, повсюду, куда можно достигнуть водянымъ путемъ; это предполагаетъ, во-первыхъ, короткое знакомство съ особенною стихіею, на которой происходитъ и совершается вся наша дѣятельность, съ моремъ вообще, съ его путями, по которымъ совершаются морскія движенія,—и наконецъ, если не «со всѣмъ свѣтомъ», то со всѣми его окраинами, которыя могутъ быть достигнуты морскимъ путемъ и, слѣдовательно, сдѣлаться театромъ нашихъ дѣйствій; можно поэтому заключить, что наша военная наука, или морская стратегія, объемлетъ

болѣе обширное поле. Но для того, чтобы водить и направлять флоты и эскадры, надобно не только хорошо знать море и его пути, и свои собственныя средства нападенія и защиты, всѣ роды нашего оружія и ихъ тактику, надобно прежде всего хорошо знать самый «корабль», который самъ по себѣ представляетъ весьма сложную машину и не менѣе сложный механизмъ его «двигателей»; надобно, съ другой стороны, также хорошо знать и морскія средства нашихъ непріятелей или противниковъ, ихъ «корабли», и ихъ сильныя, равно какъ и слабыя, уязвимыя на морѣ, или съ моря стороны. Намъ часто кажется,—и, можетъ быть, мы не ошибаемся, полагая, что цѣлой морской карьеры одного человѣка недостаточно, чтобы пріобрѣсти всѣ эти познанія въ необходимой или желательной полнотѣ при теперешнихъ условіяхъ при изолированномъ и, можно сказать, безпомощномъ положеніи, въ которомъ каждый изъ насъ находится, ибо большую часть нужныхъ намъ свѣдѣній и познаній каждому приходится пріобрѣтать и вырабатывать отдѣльно, самому для себя, личнымъ опытомъ и изолированнымъ личнымъ трудомъ. Наша военная наука — морская стратегія и тактика, съ ихъ развѣтвленіями и вспомогательными отраслями—какъ сложившаяся «наука», можно сказать, не существуетъ вовсе, а настоящей военной или боевой, сколько нибудь широкой «практики» мы также не можемъ имѣть. Морскія войны и морскія сраженія дѣлаются въ наше время все болѣе и болѣе рѣдкими. Исторія прежнихъ вѣковъ, конечно, богата примѣрами морскихъ войнъ и битвъ на морѣ. Но къ чему они намъ могутъ послужить? Изученіе это можетъ быть интересно для археологовъ и военныхъ историковъ; практическіе моряки не найдутъ въ немъ ничего, или почти ничего такого, чѣмъ они могли бы воспользоваться. Отвлеченныя или теоретическія основныя положенія тактики и стратегіи остались, конечно, какъ и всегда останутся, твердыми и незыблемыми. Но прямого практическаго указанія на ихъ примѣненіе напрасно было бы искать и надѣяться извлечь изъ историческихъ примѣровъ, — до такой степени все нынѣ измѣнилось; и современныя средства

морской войны и «корабли» нашего времени не имѣютъ почти ничего, или очень мало общаго съ прежнимъ, будь это съ парусными кораблями и средствами морской войны XVII и XVIII и даже первой половины XIX столѣтія, или съ галерами и военными средствами древности и среднихъ вѣковъ.

Но наука морской войны — морская стратегія и тактика — должна однако существовать, и если она не существуетъ, то остается ее создать искусственнымъ путемъ. Вотъ къ чему, къ какой отдаленной цѣли должны быть направлены и стремиться, съ теоретической стороны, внутреннія или кабинетныя занятія какого-либо изъ главныхъ органовъ высшаго управленія, и съ практической стороны, плаванія въ мирное время, тактическія занятія и маневры, — слишкомъ часто никакой системы, ни цѣлесообразности не представляющіе, будучи произведеніемъ только временнаго или личнаго вдохновенія и прихоти начальствующихъ, никакою общею системою не руководимыхъ и не направляемыхъ, а своею собственною опытностью и знаніемъ не подготовленныхъ для столь высокихъ порученій. Дошла ли современная морская наука, не только у насъ, но вообще гдѣ-нибудь хотя бы до того, чтобы знать, какіе «корабли» и суда намъ нужно строить?— на что издерживать милліоны, жертвуемые казною? Вѣроятно, никто не возьметъ на себя отвѣтственности отвѣчать на эти вопросы утвердительно.

Вотъ, если бы морская стратегія существовала какъ наука, если бы для спеціальнаго ея изученія и послѣдовательной, прогрессивной разработки существовало особое спеціальное учрежденіе для различныхъ отраслей морской техники, то можно было бы идти впередъ съ большей увѣренностью. Стратегическія задачи, которыя могутъ представиться нашему флоту, могли бы быть изучаемы со всею строгостію научной методы и пытливою настойчивостію научнаго изслѣдованія. Такая систематическая разработка стратегическихъ нашихъ задачъ привела бы и къ точному выясненію и опредѣленію типовъ и численности судовъ каждаго типа, которые намъ именно нужны, равно какъ къ разъясненію относительной надобности для насъ того или другого типа. Но этого знанія,—

или науки проектированія военныхъ судовъ,—можно опять сказать, вовсе не существуетъ. Есть «кораблестроительная» наука, — и наука весьма положительная и точная; есть и въ высшемъ управленіи спеціальное и компетентное учрежденіе для этой цѣли. Корабельные инженеры знаютъ и дѣлаютъ свое дѣло; и построятъ какой угодно корабль, военный или купеческій, когда имъ будетъ поставлена *программа*, т. е. когда имъ будетъ сказано, *какой* корабль желаютъ имѣть. Но, вотъ, тутъ-то и является обыкновенно настоящее «смѣшеніе языковъ». *Какіе* именно корабли нужны для военныхъ цѣлей страны—этого никто твердо не знаетъ, и знать это, повидимому, ничьей спеціально обязанности не составляетъ. Броненосцы, миноноски, крейсеры, тараны, и канонерскія лодки, броня вертикальная или горизонтальная, желѣзная или стальная, башни вращающіяся или барбетныя, пушки и мины, все это представляется въ какомъ то нестромъ хаосѣ, ничто не укладывается въ опредѣленную мѣру и число, — и суда наши, по большей части, являются какъ случайный и недоношенный плодъ смутныхъ и болѣе или менѣе односторонникъ идей и впечатлѣній, нахватанныхъ какъ кому удалось или какъ приводилъ случай, въ продолженіе болѣе или менѣе длинной и разнохарактерной служебной карьеры. Разногласіе и вмѣстѣ съ тѣмъ шаткость и нерѣшительность взглядовъ и происходящія отъ того блужданія, въ такихъ условіяхъ, неизбѣжны. Но обвинять морскихъ офицеровъ огульно, въ равнодушіи къ этимъ высшимъ задачамъ ихъ ремесла, было бы несправедливо. Отъ времени до времени появляется не мало статей и не мало индивидуальныхъ усилій и попытокъ къ разрѣшенію этихъ задачъ.

Литература военно-морская обширна,—но ничего она не выработала. Отрывочно, въ ней можно встрѣтить много дѣльныхъ и крайне полезныхъ замѣчаній, которыми надо дорожить и собирать ихъ съ тщаніемъ; но науки сознательнаго и всесторонняго обсужденія,—«ниже вида»; и какъ скоро дѣло коснется выводовъ и заключеній, то тутъ обнаруживается полное безсиліе и неспособность обобщать и резюмировать. Обширность задачъ съ одной стороны, а

съ другой несостоятельность авторовъ обнять ихъ, бьютъ въ глаза. Это доказываетъ, что безъ научной системы и основательной научной подготовки, тутъ ничего и сдѣлать нельзя. А между тѣмъ, всѣ націи приносятъ великія жертвы для содержанія своихъ военныхъ и морскихъ силъ. Источники ихъ доходовъ исчерпываются до истощенія, — и все, зачѣмъ? Не рѣдко, для того только, чтобы строить, можетъ быть, какія-нибудь фантастическія яхты, или, что то же самое, такія суда, которыя стоятъ многихъ милліоновъ, но, какъ нѣкоторые гвардейскіе полки, никогда въ случаѣ войны употреблены не будутъ,(*)—а такихъ, какія именно нужны, въ минуту надобности не оказывается. Мы припоминаемъ злую, но мѣткую замѣтку одного англичанина, когда мы, нѣсколько лѣтъ назадъ, съ такою юношескою горячностію начали строить броненосныя суда въ то время, когда вездѣ уже начали ихъ оставлять. «Россія всегда отличалась тѣмъ, что строила съ большою настойчивостью устарѣлыя и ненужныя суда. Не служитъ ли ея стремленіе строить броненосцы лучшимъ доказательствомъ, что суда эти отжили свой вѣкъ и пора всѣмъ ихъ бросить?» У насъ, иногда, приписываютъ постройку военныхъ судовъ «прихотямъ казны» и выраженіе это довольно часто повторяется въ газетахъ. Съ нѣкоторой точки зрѣнія, это можетъ быть и справедливо. Но, желая добраться до истины, надо быть справедливымъ и къ казнѣ. «Казна» сама не морякъ, и у нея много всякаго рода другихъ заботъ; требовать, чтобы она сама занималась разрѣшеніемъ вопросовъ морской стратегіи, входила во всѣ ихъ подробности и знала еще съ точностію какого именно типа суда намъ нужно строить,—немыслимо. Ей нужны, слѣдовательно, указатели, эксперты по этой части; помощники и совѣтники, которые были бы въ состояніи просвѣтить ее, разсказать и объяснить, какія суда намъ нужны и какіе типы мы должны строить на будущее время.

Но гдѣ эти эксперты? Существуютъ ли подобные спеціалисты? И не очевидно ли представляется необходимость создать

(*) Поповокъ. *Замѣчаніе на поляхъ ген. Леера.*

ихъ? Но между тѣмъ ихъ нѣтъ, а «казна» съ своей стороны сознаетъ и чувствуетъ величіе своей страны и понимаетъ, что военныя суда ей все-таки нужно строить. Что же ей дѣлать? Вотъ она и старается просвѣтиться: что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается? Что у «другихъ»? Она завела даже у себя для этой цѣли особое отдѣленіе, гдѣ дѣлаются вырѣзки изъ морскихъ журналовъ и газетъ, и сама, можетъ быть, тоже иногда въ нихъ заглядываетъ, ибо кто въ наше время съ журналами не знакомъ! Вотъ прочтетъ или услышитъ она, что въ Англіи спустили на воду крейсеръ, который пошелъ на пробѣ 20 узл. хорошо бы и намъ завести хотя одинъ такой же. Составить въ техническомъ комитетѣ проектъ! Проектъ составляется и представляется, пересматривается, и передѣлывается и вновь представляется, и, можетъ быть, снова пересматривается и передѣлывается, можетъ быть, и не одинъ разъ. Наконецъ, приступаютъ къ исполненію и постройкѣ. Но на все это требуется и поглощается время—и много времени. Точно то же самое, прежде чѣмъ новый типъ намъ сдѣлался извѣстенъ, происходило и въ »Англіи», и тамъ не иначе шло дѣло, и прошло не мало времени отъ перваго зачатія проекта до его осуществленія, и тамъ, вновь построенное судно кажется не рѣдко уже анахронизмомъ, ибо военныя суда строятся иногда нѣсколько лѣтъ, а техническія усовершенствованія разныхъ родовъ оружія и новыя изобрѣтенія идутъ быстрымъ шагомъ впередъ. Такимъ образомъ наши суда, строящіяся «по образцу» какихъ-нибудь «Аяксовъ» «Уарспайтовъ», или другихъ, оказываются *вдвойнѣ* опоздавшими и отставшими до такой степени, что идеи и побужденія, послужившія основою при ихъ созданіи, успѣли уже устарѣть и позабыться, а на ихъ мѣсто явились новыя требованія, которымъ появленіе вновь построеннаго судна не только не отвѣчаетъ, но нерѣдко и прямо противорѣчитъ. Что же остается говорить въ такомъ случаѣ тѣмъ, которые сами въ этомъ не участвовали и незнакомы съ медленнымъ процессомъ произведенія нашихъ военныхъ судовъ? «Прихоть казны»—и только!

Но основателенъ ли такой порядокъ вещей? И не лежитъ ли на комъ-нибудь обязанность стремиться къ выходу изъ столь неудовлетворительнаго положенія дѣла?

И не одна только забота о численномъ усиленіи флота и постройкѣ новыхъ судовъ должна насъ тревожить, а все, что относится и связано съ военною его готовностью къ мобилизаціи и съ морскою оборономъ страны въ обширномъ смыслѣ, заслуживаетъ неменьшаго вниманія и находится въ столь же мало разработанномъ состояніи.

Мы не составляемъ, впрочемъ, исключенія. Другія націи и другіе флоты не въ лучшемъ положеніи. Но неудовлетворительность существующаго порядка вещей ощущается вездѣ, и вездѣ можно замѣтить, хотя покамѣстъ еще болѣе или менѣе нерѣшительныя, попытки выйти изъ этого положенія и ввести другой болѣе раціональный порядокъ.

Въ Англіи, напримѣръ,—ибо, говоря объ устройствѣ морской части, нельзя не обратить глаза на то, что дѣлается въ первой, и потому въ нѣкоторомъ смыслѣ образцовой морской державѣ,—сдѣлана попытка въ этомъ направленіи учрежденіемъ въ морскомъ министерствѣ или такъ называемомъ «адмиралтействѣ», особаго «департамента свѣдѣній». Въ объяснительной запискѣ перваго лорда адмиралтейства, представленной имъ парламенту, при внесеніи морской смѣты на 1887—1888 г., говорится:

«Всѣ благоустроенныя державы извлекли неисчислимыя для себя выгоды изъ учрежденія надлежащимъ образомъ организованнаго «департамента свѣдѣній» (т. е. генеральнаго штаба); но надобность въ такомъ учрежденіи, какъ я объяснилъ, еще болѣе настоятельна для морскихъ цѣлей, чѣмъ для сухопутныхъ. Мы имѣемъ самый большой военный флотъ на свѣтѣ, но до сихъ поръ не имѣли центральнаго органа, посредствомъ котораго, въ случаѣ надобности, мы могли бы воспользоваться и привести въ дѣйствіе всѣ рессурсы, которые заключаются въ этомъ флотѣ.... Хотя учрежденіе такого «департамента» (въ кругъ дѣятельности котораго входитъ также мобилизація флота и организація морской обороны береговъ) будетъ сопряжено съ нѣкоторымъ увеличеніемъ расходовъ, но изъ всѣхъ статей морской смѣты, это именно та, отъ которой страна или флотъ могутъ менѣе всего отказаться...».

Что касается другихъ морскихъ державъ, то вездѣ можно также указать на замѣтныя попытки въ томъ же направленіи, хотя не довольно рѣшительныя и неполныя. По крайней мѣрѣ мысль о необходимости болѣе раціональной организаціи и какого-нибудь соотвѣтствующаго учрежденія существуетъ вездѣ.

Останемся ли мы, по нашему обыкновенію, позади? Не можемъ ли мы хотя одинъ разъ, упредить другихъ и покорыстоваться прежде ихъ тѣмъ преимуществомъ, которое можетъ дать болѣе совершенная организація и лучшая утилизація своихъ силъ? Если въ области техники мы, по силѣ вещей, должны еще, можетъ быть, долго отставать отъ другихъ, то въ этомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ намъ сдѣлать первый шагъ и показать примѣръ хорошаго порядка и устройства. Нужно только небольшое усиліе патріотизма и вѣры въ самихъ себя, въ собственный разумъ и здравый смыслъ. Примѣръ сухопутнаго вѣдомства у насъ передъ глазами: нужно только имъ воспользоваться и пересадить къ себѣ, примѣнивъ къ нашей особенной средѣ учрежденіе которое оказалось столь полезнымъ на сухомъ пути.

Прежде всего, высшее или центральное управленіе морскими силами нуждается въ административномъ органѣ, въ которомъ централизовалось бы и было сосредоточено все, что относится къ боевой исправности и готовности флота къ войнѣ и оборонѣ своихъ береговъ—органѣ, который далъ бы высшему управленію возможность держать морскую силу и морскія средства страны твердо «въ рукахъ», въ полной степени готовности для всѣхъ задачъ, которыя отъ нихъ могутъ потребоваться. Все, что касается до распоряженія морскими средствами страны для цѣлей войны и обороны и подготовленія ихъ къ этимъ цѣлямъ, должно законнымъ образомъ входить въ кругъ дѣятельности этого учрежденія,—но, и ничего болѣе. Мы постараемся, въ короткихъ словахъ, перечислить эти предметы. (Разъ, когда такое учрежденіе будетъ существовать, то оно само найдетъ и притянетъ подъ свое вліяніе то, что нами легко можетъ быть здѣсь опущено или забыто).

а) Во-первыхъ, полное знаніе и точныя свѣдѣнія, во всѣхъ подробностяхъ, о своей собственной силѣ, а также—о своей слабости,—о степени исправности и готовности каждаго судна флота,—о состояніи рессуровъ не только каждаго порта, большого или малаго, доковыхъ и заводскихъ средствъ, но можно сказать, каждой мастерской, каждаго магазина и склада по всѣмъ отраслямъ снабженія,—о степени подготовки личнаго состава и различныхъ его спеціальностей по всѣмъ частямъ и во всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи,—вообще, о степени нашей готовности къ «мобилизаціи», т. е. къ переходу съ мирнаго на военное положеніе флота и морской прибрежной обороны, и о всемъ, что касается организаціи этой послѣдней,—о рессурсахъ другихъ вѣдомствъ и частной индустріи и промышленности, которыя могутъ быть привлечены къ морской мобилизаціи,—о морскомъ населеніи,—о коммерческихъ судахъ и шлюпкахъ каждаго порта, въ особенности паровыхъ, находящихся въ частномъ владѣніи, которыми можно воспользоваться для усиленія обороны,—имѣть обо всемъ этомъ статистическія свѣдѣнія и списки судовъ, шлюпокъ и прочихъ средствъ, которыя могутъ подлежать военной реквизиціи (подобно тому, какъ существуетъ, напримѣръ, перепись лошадей на сухомъ пути); ибо въ военномъ дѣлѣ, въ дѣлѣ такой всеобъемлющей важности какъ оборона родной земли и родного берега, ничто не должно ускользать и не надо пренебрегать никакими рессурсами, какъ бы маловажны они не казались, и изъ самыхъ несовершенныхъ средствъ можно иногда извлечь великую пользу.

Точно такого же рода свѣдѣнія, какъ о своихъ морскихъ силахъ, надо имѣть и объ иностранныхъ флотахъ, которыя могутъ сдѣлаться непріятельскими,—о береговыхъ и приморскихъ укрѣпленіяхъ иностранныхъ государствъ,—о всѣхъ ихъ морскихъ средствахъ и рессурсахъ,—не забывая и частныхъ, т. е. коммерческаго флота и морской промышленности и торговли,—направленія морского торговаго движенія и его путей, морскихъ телеграфныхъ кабелей и пр.

б) Заблаговременное изученіе и составленіе стратегическихъ плановъ веденія войны и военныхъ дѣйствій въ случаѣ раз-

рыва и столкновенія съ каждымъ изъ морскихъ или приморскихъ государствъ, которое можетъ сдѣлаться нашимъ противникомъ и съ которымъ мы можемъ прійти въ вооруженное столкновеніе.

Точное изученіе средствъ выполненія, которыхъ требуютъ установленные и утвержденные стратегическіе планы наши,— и вслѣдствіе того, выработка наипригоднѣйшихъ и нужныхъ для осуществленія нашихъ цѣлей *типовъ* военныхъ судовъ, какъ «главныхъ инструментовъ морской войны». А сообразно съ этимъ и постоянный пересмотръ, т. е. выправленіе и развитіе *программы флота*, ибо эта послѣдняя никакъ и никогда не можетъ быть чѣмъ нибудь законченнымъ неподвижно, а должна каждогодно видоизмѣняться и выправляться, сообразно съ измѣненіемъ политическаго положенія, съ измѣненіями въ орудіяхъ войны, и сообразно съ тѣмъ, что дѣлается у каждаго изъ коренныхъ или случайныхъ нашихъ противниковъ.

в) Распоряженія мирнаго времени, имѣющія связь и относящіяся къ подготовкѣ флота для войны и организаціи прибрежной обороны;—распредѣленіе эскадръ и отдѣльныхъ судовъ, т. е. *программы плаваній*;—образовательныя и учебныя занятія судовъ и командъ;—опредѣленіе и составленіе общихъ и частныхъ программъ этихъ занятій, ученій и *маневровъ*;— къ этому же надо прибавить еще *программы опытовъ*, которыхъ требуетъ усовершенствованіе нашего боевого матеріала. Конечно, руководство техническими опытами относится къ области техническихъ отраслей управленія, но столь важный предметъ, какъ усовершенствованіе нашего боевого матеріала, не можетъ быть вполнѣ исключенъ изъ вліянія органа, на отвѣтственности котораго лежитъ довести и содержать всѣ боевыя средства въ возможно высокой степени готовности и совершенства. Кругозоръ этого органа долженъ быть шире и яснѣе, т. е. дальновиднѣе, чѣмъ онъ можетъ быть у спеціально-техническихъ учрежденій, слѣдовательно, высокій контроль и вдохновеніе даже чисто-техническихъ опытовъ не могутъ быть изъяты изъ круга вліянія учрежденій, задача котораго: все направлять къ одной и единственной цѣли—къ военной готовности морского вѣдомства.

Подготовительныя мѣры въ мирное время, касающіяся коммерческихъ судовъ и всѣхъ частныхъ средствъ страны, которыя могутъ быть предметомъ и подспорьемъ морской мобилизаціи,—защиты коммерческихъ и не военныхъ портовъ,—и обороны всего нашего прибрежья, въ широкомъ смыслѣ.

Всѣ эти, или соотвѣтствующіе имъ предметы причисляются обыкновенно въ сухопутныхъ арміяхъ къ сферѣ дѣятельности «генеральнаго штаба». Сообразно съ этимъ, и чтобы не вводить новыхъ названій и новыхъ понятій тамъ, гдѣ существенно новаго ничего и нѣтъ, мы будемъ называть «генеральнымъ штабомъ» учрежденіе, необходимость котораго на морѣ представляется въ настоящее время столь же насущною и неотложною, какъ и на сухомъ пути.

Нѣкоторыя изъ выше перечисленныхъ обязанностей «генеральнаго штаба» существуютъ, конечно, и теперь, и исполняются, или, по крайней мѣрѣ, предполагается, что они должны исполняться главнымъ морскимъ штабомъ («военно-морскимъ» его отдѣломъ), или другими учрежденіями морского министерства. Но обязанности не могутъ исполняться удовлетворительно, если онѣ не распредѣлены и не очерчены вполнѣ опредѣленно и точно для каждаго, и если не имѣется соотвѣтствующаго имъ спеціальнаго инструмента управленія, т. е. исполнительнаго органа и соотвѣтствующаго персонала исполнителей. Недостатокъ настоящаго положенія въ томъ и состоитъ, что съ одной стороны, обязанности, касающіяся «приготовленія къ войнѣ», не выяснены и не разграничены довольно точно и подробно, а съ другой, въ томъ, что нѣтъ особеннаго спеціальнаго для этой цѣли персонала. У насъ несомнѣнно есть одно «*лицо*» (начальникъ главнаго морского штаба) «на отвѣтственности котораго лежитъ содержаніе флота въ надлежащей боевой готовности» (наказъ по управленію морскимъ вѣдомствомъ, 1886 г., ст. 2). Можетъ показаться страннымъ, что такая важная—главнѣйшая—обязанность приписывается и довѣряется одному—и то подчиненному лицу, между тѣмъ какъ въ этомъ заключается цѣль существованія всего морского управленія и вѣдомства, и какъ бы ни была велика и богата военною опытностію предшествовавшая практическая дѣя-

тельность или стратегическая ученость, зарекомендовавшія для столь высокой довѣренности это лицо, — позволительно думать, что нравственная отвѣтственность не можетъ быть высшимъ морскимъ управленіемъ снята съ себя и перемѣщена на какое либо изъ служащихъ ему лицъ. Никакой «наказъ» и ни какое «положеніе» не могутъ давать ему права на такую «делегацію» своихъ обязанностей.

Въ глазахъ страны и въ глазахъ всего міра нравственная отвѣтственность за «содержаніе флота въ боевой готовности»— и все, что изъ нея истекаетъ,—останется всегда на главномъ морскомъ управленіи, и *оно* должно объ этомъ денно и нощно пещись и заботиться. Но какъ бы то ни было,—на главномъ ли начальствѣ, или на делегированномъ имъ начальникѣ главнаго морского штаба, будутъ лежать эти возвышенныя обязанности,— для того, чтобы они могли исполнять ихъ, нужно имѣть опредѣленные средства и органы, особое учрежденіе или институтъ и спеціальный персоналъ, которыхъ именно и недостаетъ. Взглянемъ на дѣло поближе.

По «положенію» объ управленіи морскимъ вѣдомствомъ (гл. IV), управленіе *«боевыми силами»* и движеніями флота сосредоточивается въ Главномъ Морскомъ Штабѣ (ст. 25). Но въ томъ же учрежденіи министерства совмѣщаются и другія, весьма многочисленныя и важныя занятія по управленію личнымъ составомъ, строевою и дисциплинарною частями и проч. На «начальникѣ» же Главнаго Морского Штаба, независимо отъ высокой обязанности «содержанія флота въ боевой готовности», лежитъ масса иныхъ обязанностей, какъ по инспекторской, такъ по строевой и дисциплинарной частямъ; слѣдовательно онъ и не можетъ, если бы и желалъ, посвятить всецѣло свое личное вниманіе собственно стратегической части. Но для этого онъ имѣетъ въ своемъ «непосредственномъ» распоряженіи «военно-морской» отдѣлъ штаба. Штатъ этого отдѣла состоитъ изъ 8 или 9 штабъ и оберъ-офицеровъ. Если мы обратимся къ ст. 27 того же «положенія» и еще болѣе къ «наказу» по управленію морскимъ вѣдомствомъ, гдѣ исчислены подробнѣе обязанности этого отдѣла, то увидимъ, что къ числу этихъ обязанностей, кромѣ относящихся

непосредственно къ стратегической части, причислено еще не мало занятій совсѣмъ посторонняго свойства, къ стратегической готовности флота не имѣющихъ никакого, или только весьма отдаленное отношеніе. Въ ст. 22 и 23 «наказа», перечисляются, не менѣе какъ въ *тридцати двухъ* пунктахъ, различныя категоріи дѣлъ, которыми долженъ заниматься «военно-морской» отдѣлъ. Эти 32 пункта представляютъ столь же пеструю мозаику, какъ одѣяло, сшитое изъ лоскутковъ, частью домашняго, частью чужеземнаго происхожденія; такъ, нѣкоторые пункты взяты прямо съ того, что сдѣлано или дѣлается въ другихъ странахъ и къ нашему положенію непосредственно не прилагается; другіе очевидно внушены газетными и журнальными статьями послѣдняго времени. Составители «наказа» повидимому писали это, какъ пишутся сочиненія на заданную тему, заботясь не столько о томъ, какъ будетъ написанное исполняться, сколько о томъ, чтобы чего не забыть и не пропустить. Въ этой преизбыточности наставленій выразилась, можетъ быть, только общая черта излишней и иногда пустоцвѣтной плодовитости нашего бюрократическаго законодательства. А между тѣмъ можно замѣтить, что несмотря на то, есть довольно много—даже очень важныхъ предметовъ, которые не попали въ длинный перечень обязанностей «военно-морского» отдѣла. Съ другой стороны, какъ мы уже замѣтили, съ перваго взгляда очевидно, что многія изъ перечисленныхъ обязанностей, не находятся въ прямой и даже въ косвенной связи съ стратегическою частью и потому могли бы быть съ выгодой оставлены въ вѣдѣніи другихъ, подлежащихъ учрежденій. Но пока онѣ, какъ теперь, находятся въ «военно-морскомъ» отдѣлѣ, то требуютъ исполнителей, и принимая это въ соображеніе, не трудно прійти къ убѣжденію, что на долю собственно главной задачи управленія, для военной организаціи флота и морской обороны всей Россійской Имперіи, со всѣми подробностями этой обширной и многосложной задачи, останется воспользоваться трудомъ, можетъ быть, 4 или 5 штабъ и оберъ-офицеровъ. Нельзя также не замѣтить, что нѣкоторыя изъ возлагаемыхъ на нихъ «наказомъ» обязанностей столь

обширны, что даже и съ *одною* только изъ нихъ 4 или 5 человѣкъ едва могутъ справиться съ успѣхомъ. Но сколько бы разнородныхъ занятій «наказъ» не возлагалъ на учрежденіе, всѣ эти обязанности останутся мертвою буквою при недостаточномъ числѣ исполнителей. Конечно, если бы наставленія «наказа» были не канцелярскимъ только произведеніемъ ни въ чемъ не сомнѣвающейся бюрократической плодовитости (*), а выходили бы изъ практическаго сознанія дѣйствительной потребности и дѣйствительнаго знакомства съ сущностью дѣла, такого явленія случиться не могло бы.

Не довольно, однако, было бы завести въ центральномъ управленіи обширное учрежденіе съ многочисленнымъ составомъ, которое можно назвать «департаментомъ генеральнаго штаба» или «отдѣленіемъ главнаго морского штаба» (или какъ угодно) и снабдить его самыми подробными инструкціями и правилами, — дѣло не много пойдетъ отъ того лучше, если не будетъ спеціально подготовленныхъ къ такимъ занятіямъ дѣятелей. Еще Императоръ Николай выразился, что Россіею управляютъ «писаря» (или «столоначальники»). Не хорошо и не свойственно, чтобы «столоначальники» или «писаря» управляли военнымъ дѣломъ. Но, скажутъ, они управляютъ только въ мирное время, а военными дѣйствіями будутъ управлять военные вожди и полководцы. Допустимъ, что вожди, полководцы и флотоводцы у насъ будутъ. Но гдѣ же у нихъ органы, инструменты такого управленія? откуда они возьмутся? и не придется ли, какъ всегда приходилось, все это *импровизовать* вдругъ, какъ-нибудь и какъ случится, въ критическую минуту надобности? Но и въ мирное время, такая система управленія едва-ли можетъ вести къ успѣху. При всемъ почтеніи къ столь могущественно у насъ сложившемуся сословію гражданскаго чиновничества, наполняющему и внесшему свой духъ во всѣ отрасли государственныхъ учрежденій, искусство котораго въ дѣлахъ администраціи и самоувѣренность дѣлаютъ его сподручнымъ орудіемъ управленія, всегда готовымъ и жаждущимъ всякаго рода административной, казенной

(*) Очень хорошо. *Замѣчаніе на поляхъ генерала Леера.*

и частной дѣятельности, едва ли кто-нибудь рѣшится однако утверждать, чтобы преобладаніе чиновничьяго или «штатскаго» элемента было очень благодѣтельно въ морскомъ управленіи, гдѣ непрестанно требуется техническое знакомство съ особенностями нашего маленькаго отдѣльнаго міра. Всякій, кто въ теченіе болѣе или менѣе продолжительной строевой служебной карьеры имѣлъ случай быть въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ центральными учрежденіями, испыталъ на самомъ себѣ происходящія отъ этого неудобства. Въ какое отчаяніе повергался, напримѣръ, какой-нибудь начальникъ эскадры, находящійся, можетъ быть, гдѣ-нибудь за «тридевять земель», отъ того, что въ центральномъ управленіи не понимаютъ и не могутъ понять его представленій, его нуждъ и условій, которыми обставлена его дѣятельность. Еще недавно мы читали жалобы одного изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ адмираловъ на такой недостатокъ въ англійскомъ морскомъ управленіи.

Но намъ самимъ не нужно ходить такъ далеко за примѣрами. Мы помнимъ, напримѣръ, какъ одинъ «высоко», очень «высоко» поставленный въ морскомъ министерствѣ чиновникъ (впослѣдствіи членъ адмиралтействъ-совѣта) спрашивалъ разъ, съ чистосердечнымъ участіемъ, одного адмирала: скажи же, пожалуйста, что случилось? отчего это вамъ приказано «спустить» флагъ?—Дѣло было, однако, очень простое: флагъ было приказано «спустить», потому что настала пора окончить кампанію; но высокопоставленный чиновникъ успокоился только тогда, когда узналъ, что въ этомъ распоряженіи никакой немилости и ничего обиднаго ни для кого не заключалось. Недостатокъ короткаго знакомства съ своеобразіями морского міра, и даже съ нашимъ особеннымъ языкомъ можетъ выразиться и не въ столь безвредной формѣ, и казалось бы, что столь спеціальное вѣдомство, какъ морское, должно бы было имѣть и свой особый, спеціальный корпусъ административныхъ и хозяйственныхъ чиновниковъ, для службы не только въ центральномъ управленіи, но и въ портахъ и на судахъ,—подобно тому какъ это имѣется у другихъ націй, примѣру которыхъ, въ другихъ вещахъ, мы всегда, можетъ быть, даже слишкомъ охотно слѣдуемъ.

Когда въ высшихъ или центральныхъ учрежденіяхъ преобладаетъ не спеціальный, а обще-цивильный или чиновничій элементъ и духъ канцелярскаго бюрократства, то естественнымъ послѣдствіемъ является непрактичный и непроизводительный характеръ административной дѣятельности: съ одной стороны, излишнее обиліе распоряженій въ сущности даже не нужныхъ; съ другой, незнаніе и игнорированіе дѣйствительныхъ надобностей. Чувствуя свою несостоятельность, высшее управленіе чаще чѣмъ нужно обращается къ экстреннымъ мѣрамъ, къ временнымъ комиссіямъ для разрѣшенія тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ вопросовъ, которые принадлежатъ компетентности центральныхъ учрежденій, и надобность въ комиссіяхъ доказываетъ только слабость и некомпетентность этихъ учрежденій. (*) Результатъ обыкновенно не удовлетворяетъ цѣли и является, въ большей части случаевъ, мертворожденнымъ. Тамъ, гдѣ сильнѣе и лучше организованы центральныя учрежденія, рѣже случается слышать о комиссіяхъ. Но у насъ встрѣчается не рѣдко еще и другой пріемъ управленія, еще болѣе странный, чтобы не сказать болѣе, это циркулярная разсылка вопросовъ, по самымъ разнороднымъ предметамъ,—вопросовъ, касающихся иногда высшей государственной политики,—если не всѣмъ, то весьма многимъ изъ строевыхъ офицеровъ;—другіе, неизвѣстно почему, исключаются изъ такого голосованія. Само собою разумѣется, что изъ этихъ плебисцитовъ не выходитъ ничего, или только то, что центральному управленію хочется. Ни въ чемъ этомъ не было бы надобности, если бы высшія центральныя учрежденія болѣе пополнялись спеціалистами, коротко знакомыми съ поручаемою имъ отраслью, а не такими лицами, которыя отъ роду не занимались поручаемою имъ частію и должны начинать съ того, чтобы ей учиться,—и чуть не съ азбуки. Тѣ изъ этихъ учрежденій или отдѣленій управленія, которыя имѣютъ чисто *техническій* характеръ, и теперь пополняются же техниками, пріобрѣвшими

(*) Вѣрно. *Замѣчаніе на поляхъ ген. Лесра.*

наибольшую дозу опытности и техническаго знанія; точно также надобно желать, чтобы и *экономическія* учрежденія пополнялись спеціальными административными чиновниками, которые имѣли бы короткое практическое знакомство съ устройствомъ и организаціей морского управленія и морского хозяйства на судахъ и въ портахъ; точно также, для *штабной* дѣятельности, необходимы офицеры, имѣющіе подготовку и образованіе офицеровъ генеральнаго штаба. При формированіи личнаго состава государственныхъ учрежденій нельзя брать за образецъ порядки, которыми можно довольствоваться въ частныхъ предпріятіяхъ, — напримѣръ, хотя бы, и въ большихъ пароходныхъ компаніяхъ, существованіе и процвѣтаніе которыхъ, всегда болѣе или менѣе эфемерное, не рѣдко зависитъ только отъ продолжительности жизни учредителей или распорядителей и съ нею прекращается, а персоналъ, сравнительно весьма ограниченный, подбирается случайно, откуда возможно. Тамъ возможны такія явленія, что командиръ парохода дѣлается кассиромъ или бухгалтеромъ, а береговые агенты берутся командовать пароходами. Но совсѣмъ другое въ государственныхъ учрежденіяхъ. Учрежденія эти долговѣчны, какъ жизнь самихъ государствъ и комплектація ихъ личнымъ составомъ должна обезпечиваться постоянными институтами. До тѣхъ поръ, пока у насъ будетъ флотъ, т. е. пока мы будемъ жить какъ нація, намъ нужны будутъ и *техники*, и *административные* или *хозяйственные чиновники*, и *офицеры генеральнаго штаба*. Стало быть, необходимы перманентныя учрежденія, для ихъ подготовленія, чтобы государство было обезпечено въ этомъ отношеніи.

Предметы обязанностей «генеральнаго штаба» въ министерствѣ, или центральнаго управленія по части «боевой готовности» флота или приготовленія къ войнѣ, распадаются по характеру своему на три главныя категоріи:

1) свѣдѣнія *статистическаго* свойства о состояніи своихъ собственныхъ и непріятельскихъ (или иностранныхъ) силъ и средствъ;

2) обязанности *инспекторскія* и *образовательнаго* характера, касающіяся содержанія собственныхъ силъ и средствъ, какъ матеріальныхъ, такъ и личнаго состава, въ возможной степени готовности ко всякимъ случайностямъ;

наконецъ 3) занятія *стратегическія* въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: начертаніе плановъ войны и опредѣленіе военно морской программы вообще,—а въ частности—типовъ судовъ, какъ средствъ выполненія этой программы и непосредственныхъ инструментовъ войны.

Эта послѣдняя и высшая часть обязанностей «направляющаго» органа морского управленія очевидно опирается на двѣ первыя, которыя служатъ для нея матеріаломъ. Не приготовиться и не довести до возможной степени исправности и готовности имѣющіяся средства и силы, значитъ обманывать самихъ себя, и конечно, можно прибавить, обманывать вмѣстѣ съ тѣмъ довѣріе страны; не имѣя же полныхъ свѣдѣній какъ о своихъ собственныхъ силахъ, такъ и о силахъ своихъ противниковъ, можно дѣйствовать только какъ бы съ завязанными глазами. То и другое требуютъ только добросовѣстности и прилежанія въ исполненіи нашихъ обязанностей. Но положимъ, что то и другое будетъ сдѣлано; въ результатѣ будетъ исправный флотъ, не имѣющій опредѣленной цѣли, изъ котораго никто еще не знаетъ что дѣлать, и большое количество мертваго статистическаго матеріала, громадная масса исписанной бумаги, никому практически не приносящая пользы,—если она осуждена только покоиться въ шкафахъ и архивахъ морского министерства. Съ одной стороны, многое или большая часть изъ этихъ свѣдѣній, какъ напр. все, что касается иностранныхъ флотовъ, должна проникать туда, гдѣ они дѣйствительно, практически будутъ настоятельно нужны, т. е. на флотъ, на эскадры и суда; съ другой, надобно еще выработать изъ всего собраннаго и сдѣланнаго необходимые выводы и заключенія: увѣнчать сдѣланное, т. е. умѣть воспользоваться собранными свѣдѣніями и употребить приготовленныя средства; опредѣлить и начертать наши стратегическіе планы. Въ этомъ, для главнаго центральнаго органа заключается высшая и, можетъ быть, самая важная часть его

обязанностей,—если, вообще, между обязанностями службы отечеству могутъ быть однѣ важнѣе другихъ. Но такого рода занятія не по плечу каждому и не могутъ быть поручены никому кромѣ людей, соединяющихъ съ большимъ практическимъ опытомъ и знаніемъ, равно глубокія теоретическія познанія въ наукѣ морской войны, въ морской стратегіи и тактикѣ, т. е. никому иному, кромѣ опытныхъ строевыхъ офицеровъ, прошедшихъ уже не малую часть служебной карьеры и имѣющихъ сверхъ того извѣстную научную подготовку,—другими словами, представляющихъ, если можно такъ выразиться, тѣ же самыя «цензовыя» условія, какія требуются отъ офицеровъ *генеральнаго штаба*.

Однакоже никакое центральное учрежденіе не будетъ еще живымъ и компетентнымъ, если оно не будетъ находиться въ тѣсной связи съ мѣстными учрежденіями, проникать въ нихъ своими отростками и имѣть въ нихъ своихъ представителей и соотвѣтствующіе мѣстные органы, съ которыми оно должно быть въ непосредственномъ прикосновеніи и на нихъ опираться. Слѣдовательно дѣятельность и вліяніе, т. е. *служба генеральнаго штаба* должна находить мѣсто и проникать и въ порты и на эскадры, и тамъ также будутъ нужны офицеры, спеціально приготовленные для этой службы.

Когда дѣло идетъ о введеніи какого либо новаго учрежденія, то натурально является желаніе воспользоваться тѣмъ, что уже сдѣлано по той же части въ другихъ мѣстахъ, готовымъ опытомъ и примѣромъ другихъ. Но не меньшее вниманіе должно быть обращено и на различія среды и почвы. Такъ одна почва, можетъ быть, приноситъ обильные и богатые плоды при извѣстномъ способѣ удобренія, но то же самое удобреніе, на другой почвѣ,при иныхъ условіяхъ, можетъ не только не принести никакой пользы, но даже вредъ.

«Что очень хорошо на языкѣ французскомъ, то, въ точности можетъ быть *скаредно* на русскомъ,» сказалъ старый поэтъ.

Но опасенія подобнаго рода не должны насъ останавливать въ настоящемъ случаѣ. Мы говорили выше о сходствѣ и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже полной тождественности тре-

бованій военнаго дѣла на морѣ съ сухопутнымъ. Посмотримъ, въ чемъ заключаются ихъ различія. Главное, по нашему мнѣнію, различіе, вліяющее на способъ веденія войны и на организацію внутренняго порядка службы, можно видѣть въ томъ, что на сухомъ пути различные роды оружія держатся обыкновенно сколь возможно отдѣльно и сводятся вмѣстѣ большею частію только на полѣ сраженія (*). На морѣ, большею частію противное: всѣ роды оружія постоянно соединены въ одной общей оболочкѣ,—и «военное судно», въ полномъ значеніи этого названія,—крейсеръ,—представляетъ въ себѣ сочетаніе *всѣхъ* средствъ и орудій войны; слѣдовательно имѣетъ всѣ свойства *отдѣльнаго корпуса* сухопутной войны. И между тѣмъ какъ число «отдѣльныхъ корпусовъ» въ сухопутной войнѣ всегда ограничено, у насъ столько же «отдѣльныхъ корпусовъ», сколько судовъ; роль командира каждаго судна соотвѣтствуетъ, въ нравственномъ значеніи, роли командира «отдѣльнаго корпуса» и, съ этой точки зрѣнія, нисколько ея не ниже. Вся морская война ведется преимущественно этими «отдѣльными корпусами» и складывается изъ суммы ихъ дѣятельности. Но изъ этого слѣдуетъ заключить не о ненадобности для флота генеральнаго штаба, а напротивъ того, что потребность въ высшей степени образованія, соотвѣтствующей степени образованія офицеровъ генеральнаго штаба, на морѣ можетъ быть еще болѣе развита чѣмъ на сухомъ пути. Въ самомъ дѣлѣ желательно, чтобы каждый «командиръ» (а равно и главный его помощникъ или «старшій офицеръ») имѣлъ всѣ познанія и качества офицера генеральнаго штаба. Подобно этому послѣднему, онъ долженъ быть коротко знакомъ съ каждымъ изъ спеціальныхъ родовъ оружія и спеціальною тактикою каждаго изъ нихъ; подобно офицеру генеральнаго штаба, онъ долженъ быть знакомъ съ общею организаціею своихъ національныхъ силъ и знать столь же коротко непріятеля, съ которымъ ему придется имѣть дѣло. Прибавимъ еще, что онъ, во всѣхъ случаяхъ, будетъ зависѣть единственно

(*) ? не только. *Замѣчаніе на поляхъ ген. Леера.*

только отъ того, что онъ самъ знаетъ, и не можетъ, какъ на сухомъ пути начальники дѣйствующихъ частей или отдѣльныхъ корпусовъ, опираться на свѣдѣнія и совѣты помощниковъ, которыхъ они всегда имѣютъ при себѣ въ лицѣ офицеровъ генеральнаго штаба, находящихся при каждой самостоятельной части дѣйствующихъ войскъ. Само собою разумѣется, что высшее военное образованіе, необходимое для командировъ судовъ,—не можемъ сказать, въ большей,—но, во всякомъ случаѣ, не въ меньшей степени, требуется и отъ флагмановъ и начальниковъ ихъ штабовъ или флагъ-капитановъ.

Въ организаціи сухопутныхъ армій генеральный штабъ составляетъ не рѣдко особый *корпусъ* офицеровъ; но намъ, на морѣ, не нужно идти такъ далеко въ подражаніи сухопутному вѣдомству. Если мы находимъ нужнымъ требовать высшаго образованія если не отъ всѣхъ, то отъ *большинства* нашихъ офицеровъ, то самое это требованіе исключаетъ мысль объ отдѣльномъ спеціальномъ *корпусѣ* офицеровъ. Намъ нуженъ не *корпусъ*, не особый мундиръ или аксельбантъ, а *служба* генеральнаго штаба, которую будутъ призваны нести по очереди и по выбору своего начальства, если не всѣ строевые офицеры, то въ особенности тѣ изъ нихъ, которые предназначаются быть капитанами и флагманами.

Одинъ изъ главныхъ вопросовъ, связанныхъ съ введеніемъ на морѣ новой отрасли службы, состоитъ въ приготовленіи компетентныхъ дѣятелей, обладающихъ высшимъ военнымъ образованіемъ, составляющимъ ея характеристику. Вопросъ этотъ находится въ тѣсной связи съ общею системою образованія морскихъ офицеровъ и съ перваго взгляда представляется сопряженнымъ съ большими затрудненіями. Общая система образованія морскихъ офицеровъ — вопросъ живой и близко касающійся каждаго изъ насъ, и потому о немъ очень много было писано какъ у насъ, такъ и за границею. Съ одной стороны, отъ современнаго морского офицера требуется большой запасъ научныхъ, теоретическихъ свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ только изъ книгъ. Съ другой, несомнѣнно, что прежде всего ему необходимо сдѣлаться и быть морякомъ,

морскимъ человѣкомъ, и это основное требованіе царитъ надъ всѣмъ остальнымъ. Но для того, чтобы сдѣлаться дѣйствительно такимъ не по мундиру только, надобно очень рано,—съ самыхъ юныхъ лѣтъ—практически освоиться съ моремъ, т. е. начать плавать на судахъ.

Такимъ образомъ надобно, чтобы все воспитаніе и образованіе имѣло съ самаго начала и постоянно сохраняло этотъ двойственный характеръ. Какъ это совмѣстить?—Затрудненіе можетъ быть, однако, не такъ велико, какъ кажется. Надо, чтобы развитіе въ этихъ двухъ направленіяхъ одно другому не мѣшало, а чтобы они, такъ сказать, *переплетались* между собою: и потому надо прійти къ заключенію, что все теоретическое и научное образованіе не можетъ быть передано вдругъ, цѣликомъ,—а надобно, чтобы это сдѣлалось *отдѣльными пріемами*. Таковъ основной только принципъ, и разумѣется, что въ разныхъ странахъ это можетъ быть устроено различнымъ образомъ, но съ одной стороны, имѣя въ виду, конечно, прежде всего нашъ собственный флотъ и особенности нашихъ условій, а съ другой, не желая разрушать безъ нужды ничего существующаго, мы позволяемъ себѣ думать, что все, что нужно, можно бы было сдѣлать не подвергая большой пертурбаціи и ломкѣ существующаго порядка вещей.

Настоящій этюдъ имѣетъ предметомъ одинъ спеціальный вопросъ и потому здѣсь не мѣсто, и мы не можемъ и не хотимъ касаться того, что не входитъ неизбѣжно въ его рамки. Надо только строго опредѣлить свою задачу: правильная постановка вопроса, говорятъ, есть уже половина рѣшенія (*). Главная цѣль образованія морскихъ офицеровъ, цѣль, которая, для флота должна быть дороже всего и которой всѣ другія соображенія должны уступать мѣсто,—это приготовленіе хорошихъ *капитановъ*. Въ самомъ дѣлѣ, если морская война сводится преимущественно на дѣйствія отдѣльныхъ судовъ,—и даже при сборѣ этихъ судовъ, въ эскадрахъ, въ самыя рѣшительныя, по крайней мѣрѣ, минуты, роль адмираловъ стушевывается,—то все зависитъ отъ дѣйствій отдѣль-

(*) Очень вѣрно. *Замѣчаніе на поляхъ ген. Леера.*

ныхъ судовъ, отъ качествъ нашихъ капитановъ. Можно прибавить, что хорошій капитанъ будетъ всегда, почти безъ исключенія, и хорошимъ адмираломъ. Возьмемъ молодого офицера—средняго уровня,—такого, какихъ даетъ намъ Морское училище,—со дня его перваго шага на палубѣ въ офицерскомъ званіи, и посмотримъ, что ему нужно, чтобы сдѣлаться со временемъ хорошимъ капитаномъ. Конечно, прежде всего «практика» и «практика», т. е. служба на морѣ, въ хорошей школѣ, съ хорошимъ командиромъ. Но и «книгами»,—хотя, къ сожалѣнію, нѣкоторыя лица думаютъ иначе,—не слѣдуетъ пренебрегать. Напротивъ того: надо какъ можно больше ходить въ море—и какъ можно чаще возвращаться къ «книгамъ» (*). Цѣлой морской карьеры и цѣлой жизни недостаточно для того, чтобы вполнѣ выучиться всему, что намъ надо знать, и одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ англійскихъ адмираловъ, кажется, лордъ С. Винцентъ говорилъ: «Вотъ мнѣ и 70 лѣтъ, а дня не проходитъ, чтобы я не выучился чему нибудь новому». Потребность въ твердыхъ, положительныхъ знаніяхъ у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь чувствительна.

«Командиръ»—долженъ знать все, что находится въ сферѣ его командованія, у него на судпѣ,—лучше и основательнѣе чѣмъ кто-либо изъ его подчиненныхъ; онъ долженъ умѣть научить каждаго и показать каждому, какъ все должно дѣлаться. Только такое знаніе можетъ поставить капитана на высоту его положенія. Напротивъ того, ничто столько не подрываетъ духа и могущества дисциплины, какъ несостоятельность командира въ этомъ отношеніи; основаніе всякой военной дисциплины составляетъ безусловное довѣріе къ начальнику и ничто такъ не парализируетъ его вліяніе и власть, какъ если у капитана обнаруживается недостатокъ какихъ-либо знаній, недостатокъ, поставляющій его весьма скоро въ нравственную зависимость отъ того или другого изъ его подчиненныхъ (**).

(*) Оч. хорошо. *Замѣчаніе на поляхъ ген. Лесра.*

(**) Настаивая на важности практическаго и теоретическаго знанія и высшаго чѣмъ теперь военнаго образованія, мы не теряемъ и не хотимъ

Старшій офицеръ,—или какъ въ нѣкоторыхъ флотахъ называютъ эту должность,—*второй капитанъ* и кандидатъ, въ свою очередь, на должность командира, въ этомъ періодѣ своей служебной карьеры практически обучающійся трудной обязанности командованія, есть непосредственный *ассистентъ* капитана, призванный каждую минуту замѣнить и нерѣдко дѣйствительно замѣняющій его. Отъ старшаго офицера естественно требовать, чтобы онъ обладалъ уже всѣми познаніями, нужными капитану, уступая этому послѣднему только въ опытности командованія, въ умѣньи и практическомъ навыкѣ управлять людьми и распоряжаться; слѣдовательно, вся предварительная школа практическаго и теоритическаго образованія должна быть имъ уже пройдена до вступленія въ этотъ періодъ карьеры.

Но мы хорошо и твердо знаемъ и хорошо дѣлаемъ, только то, что намъ дѣйствительно приходилось дѣлать своими руками и что мы привыкли дѣлать.

Въ этомъ отношеніи нельзя не одобрить мѣру, требующую чтобы каждый субалтернъ-офицеръ, въ извѣстный періодъ своей карьеры, исполнялъ практически штурманскую или навигаторскую обязанность на суднѣ. Можно думать, что навигаціонная и лоцманская опытность не будетъ впередъ стоять на такой же высокой степени, на какой она могла быть при существованіи спеціалистовъ-штурмановъ. Но, и прежде, существованіе такихъ спеціалистовъ не снимало съ капитановъ обязанности вполнѣ обладать этимъ предметомъ.

Полнаго одобренія и рекомендаціи заслуживаетъ также мѣра, недавно заведенная на англійскомъ флотѣ, требующая отъ каждаго флотскаго офицера, для производства въ лейтенанты, свидѣтельства или сертификата въ томъ, что онъ правилъ извѣстное время вахтою въ главной машинѣ и управлялъ

терять изъ виду еще болѣе, можетъ быть, необходимое условіе для всякаго военнаго человѣка и отдѣльнаго начальника въ особенности: пріобрѣсти и обладать увѣренностію въ самомъ себѣ, твердостію и рѣшительностью воли. Но эти качества могутъ имѣть прочное основаніе только въ твердости знанія, а развиться и окрѣпнуть-практическимъ упражненіемъ воли, т. е. практикою командованія.

самостоятельно машинами и котлами на судовыхъ шлюпкахъ. У насъ, все еще не довольно отвыкли отъ старыхъ предразсудковъ и старыхъ предубѣжденій противъ механиковъ и машинной части, и много еще остается сдѣлать, чтобы часть эта получила надлежащее вниманіе и почетное значеніе, которое ей принадлежитъ; слѣдовательно, необходимо принуждать и заставлять молодыхъ офицеровъ очень много заниматься этою частію. Современный морской офицеръ долженъ быть также коротко знакомъ съ паровою механикою, какъ офицеры прежней эпохи были знакомы съ механикою парусовъ.

Эти здравыя требованія должны быть распространены и на спеціальные роды оружія: мины и пушки. Чтобы сдѣлаться готовымъ и достойнымъ званія капитана и не быть въ послѣдствіи въ нравственной зависимости не только отъ штурмановъ и отъ инженеръ-механиковъ, но и отъ минныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, каждый офицеръ, до поступленія своего на должность старшаго офицера долженъ усвоить себѣ обѣ эти спеціальности.

Годъ или учебный сезонъ, проведенный на минномъ учебномъ суднѣ и, дѣйствительное отправленіе, также въ теченіе года или кампаніи, обязанности судового миннаго офицера дадутъ будущему старшему офицеру необходимую квалификацію по минной части.

Точно также, годъ или учебный сезонъ на артиллерійскомъ учебномъ суднѣ и дѣйствительное отправленіе обязанности артиллерійскаго офицера доставятъ ему необходимую квалификацію по спеціальности старѣйшаго и до сихъ поръ главнаго оружія морской войны.

Только вооруженный этими практическими познаніями, сдѣлавшій, съ другой стороны, достаточное число плаваній въ обязанности вахтеннаго начальника, явится кандидатъ на должности старшаго офицера и командира военнаго судна нравственно и практически подготовленнымъ къ своимъ обязанностямъ.

До сихъ поръ, программа эта въ сущности совершенно сходна съ программою, которая обыкновенно требуется отъ

сухопутныхъ офицеровъ, приготовляющихся для службы генеральнаго штаба.

Имъ также поставляется въ непремѣнное условіе провести предварительно нѣкоторое время въ каждомъ изъ трехъ главныхъ родовъ войскъ, чтобы пріобрѣсти практическое знаніе трехъ родовъ оружія. Но, здѣсь, и начинается различіе.

У насъ, совокупность выше перечисленныхъ условій составляетъ даже въ глазахъ самыхъ требовательныхъ судей, вѣроятно, nec plus ultra требованій и офицерамъ, представляющимъ эти условія, считается вполнѣ возможнымъ довѣрить командованіе судами въ ихъ руки, слѣдовательно, практически отдается веденіе войны, защита страны и честь нашего флага (*).

(*) Нѣкоторыя лица, къ мнѣніямъ которыхъ мы не можемъ относиться иначе, какъ съ самымъ глубокимъ вниманіемъ, замѣтили намъ, что перечисляя требованія, составляющія служебный багажъ кандидата на должность старшаго офицера и командира, мы ничего не сказали объ обязанностяхъ *ревизора* и *ротнаго командира*. Мы могли бы, можетъ быть, ничего не возражать на это замѣчаніе, потому что мы говоримъ исключительно только о военномъ или боевомъ образованіи и знаніяхъ, необходимыхъ собственно для войны и успѣшнаго веденія военныхъ дѣйствій, а потому ничего, что не ведетъ прямо и непосредственно къ этой цѣли, и не введено нами въ схему карьеры военнаго морского офицера, и всякій долженъ согласиться, что можно сдѣлаться отличнымъ морскимъ тактикомъ и даже стратегистомъ, не бывавъ никогда ни ревизоромъ, ни ротнымъ командиромъ. Можно, однако, прибавить еще, что *ревизоровъ* не существуетъ ни въ одномъ флотѣ, кромѣ нашего: во всѣхъ другихъ флотахъ они замѣняются административными чиновниками (наймастерами, цалмейстерами, комиссарами)—и мы надѣемся, и не сомнѣваемся что они и у насъ рано или поздно исчезнутъ, какъ учрежденіе не раціональное, которое не соотвѣтствуетъ условіямъ и требованіямъ хорошей хозяйственной администраціи, а съ другой стороны, — вредное для строевой службы, ибо нисколько не способствуетъ развитію военныхъ способностей и военнаго образованія строевыхъ офицеровъ, а напротивъ того, толкаетъ ихъ въ другое направленіе, для котораго они не воспитываются, не приготовляются и не назначаются. Мы все толкуемъ о водвореніи порядка, а еще не додумались до того, что для водворенія порядка въ администраціи необходимо раціональное распредѣленіе и классификація обязанностей по ихъ характеру.

Что же касается должности *ротнаго командира*, то не нужно, кажется объяснять, что должность эта произошла отъ группированія нашихъ судовыхъ командъ на берегу въ произвольныя тактическія единицы, называемыя «экипажами», устроенныя по модели сухопутнаго «баталіона», и имѣющія по этому нѣкоторый сухопутный, но никакъ не морской характеръ и смыслъ. Учрежденіе это, какъ самое названіе показываетъ, французскаго происхо

На сухомъ пути это считается недостаточнымъ. Отъ офицера генеральнаго штаба требуется еще теоретическое знаніе военной науки и искусства веденія войны. Никакая практическая опытность службы мирнаго времени, ни сотни ни даже тысячи вахтъ, отбытыхъ на палубѣ самыхъ исправныхъ военныхъ судовъ, ни полнѣйшее практическое знаніе всѣхъ спеціальностей, изъ конхъ слагается наша служба, не могутъ восполнить недостатокъ научнаго военнаго образованія. Это высшее теоретическое образованіе пріобрѣтается сухопутными офицерами въ спеціальныхъ школахъ генеральнаго штаба, какъ напримѣръ въ Военной Академіи. Гдѣ же морскіе офицеры, будущіе капитаны, флагманы и флотоводцы, могутъ пріобрѣсти это знаніе военной науки?

Начальныя основанія военной науки—стратегіи и тактики—могутъ и должны входить въ курсъ морского училища или корпуса. Но общій характеръ преподаванія въ этомъ заведеніи можетъ быть только энциклопедическій и поверхностный; иначе, и быть не можетъ, при множествѣ и разнообразіи преподаваемыхъ предметовъ. Съ другой стороны, самые слушатели или воспитанники училища и умомъ еще не достаточно развиты и зрѣлы и ничѣмъ не подготовлены къ сколько нибудь глубокому и критическому анализу пріемовъ военнаго искусства и задачъ государственной обороны; и занимать ихъ неокрѣпшій умъ вопросами, нерѣдко граничащими съ высшею государственною политикою, было бы неумѣстно и неудобно;

жденія, и было заведено во французскомъ флотѣ Наполеономъ I, конечно уже не изъ-за морскихъ соображеній,—и въ самой Франціи, откуда мы его скопировали, много лѣтъ уже оставлено и замѣнено другимъ болѣе раціональнымъ дѣленіемъ морскихъ командъ на берегу по спеціальностямъ. Во всякомъ случаѣ, и какая бы ни была система дѣленія командъ, — должность ротнаго командира только съ одной точки зрѣнія можетъ вести къ образованію или сформированію будущаго начальника: тѣмъ, что ставитъ молодого офицера въ ближайшія, непосредственныя отношенія съ нижними чинами и даетъ ему возможность ближе ихъ узнать и изучить; но офицеръ, который пройдетъ начертанную нами схему или программу его карьеры, будетъ уже, по самой натурѣ вещей, не разъ поставленъ въ точно столь же близкія и непосредственныя сношенія съ людьми и конечно, даже не бывавъ ни разу de facto ротнымъ командиромъ, успѣетъ достаточно узнать характеръ нашихъ командъ и достаточно съ нимъ сродниться.

это было бы совершенно безплодною и, можетъ быть, вредною тратою времени. Преподаваніе военной науки въ училищѣ должно ограничиваться общими, коренными основаніями, которыя должны и могутъ быть заложены съ раннихъ лѣтъ въ юношескомъ умѣ, какъ необходимые основные принципы для всякаго человѣка, посвятившаго себя военному поприщу. Если къ этому прибавить преподаваніе офиціальной тактики, т. е. офиціальнаго кодекса эволюцій, то это будетъ все, что возможно ввести въ училищный курсъ.

Но этого, во всякомъ случаѣ, недостаточно для тѣхъ, которые готовятся быть капитанами и впослѣдствіи флагманами, въ руки которыхъ будетъ отдана защита и честь страны, которые поведутъ насъ и наши корабли на успѣхъ и славу,—или на пораженіе и безславіе отечеству. Полезно и необходимо, чтобы въ зрѣломъ уже ихъ самосознаніи, непосредственно передъ тѣмъ самымъ моментомъ, когда имъ будетъ ввѣряться честь отечества и флага, были снова повторены и освѣжены въ умѣ ихъ коренные принципы военной науки и вмѣстѣ съ тѣмъ показаны всѣ средства, которыя можетъ дать научное, глубокое и подробное изученіе предмета, — своего собственнаго оружія и своихъ собственныхъ силъ,—а равно оружія и силъ возможныхъ или случайныхъ противниковъ нашихъ. Для этой цѣли намъ надобно имѣть заведеніе подобное академіи генеральнаго штаба (Военной академіи). Въ названіи не заключается, конечно, большой важности, и мы беремъ названіе «академіи генеральнаго штаба» опять только по аналогіи съ тѣмъ, что уже существуетъ въ сухопутномъ вѣдомствѣ.

Въ административномъ отношеніи эта новая «академія» можетъ быть, безъ большого неудобства, причислена къ существующей уже «Морской академіи» или находиться подъ одною съ нею крышею. Но въ учебномъ отношеніи она должна находиться въ полномъ и непосредственномъ завѣдываніи генеральнаго штаба и его главнаго начальника. Выборъ предметовъ и система преподаванія, программы и распредѣленіе занятій, — все это должно быть подчинено той спеціальности, для которой студенты или слушатели готовятся.

Подобное же замѣчаніе можно бы одинаково справедливо, сдѣлать, вообще, и относительно нынѣшней—«Морской» академіи. Коль скоро у насъ есть уже отдѣльные «главные инспектора» различныхъ спеціальностей, то ихъ заботливости логично было бы предоставить и попеченіе объ образованіи и подготовленіи своего личнаго состава, т. е. тѣхъ людей, которые назначены быть въ ихъ «инспекціи» и распоряженіи въ теченіе всей своей служебной карьеры. Такимъ образомъ, роль начальника гидрографическаго управленія,—которому, неизвѣстно на основаніи какихъ причинъ, ввѣрено, какъ предсѣдателю ученаго комитета, высшее завѣдываніе всѣми педагогическими заведеніями,—должна бы ограничиваться наблюденіемъ и руководствомъ преподаванія въ гидрографическомъ отдѣленіи академіи, точно такъ какъ инспекторъ кораблестроенія долженъ бы быть прямымъ руководителемъ преподаванія и программы занятій кораблестроительнаго отдѣленія этой академіи. Мы, конечно, не отрицаемъ при этомъ, необходимости—не «ученаго» только комитета, который представляется совершенно ненужнымъ учрежденіемъ съ большими претензіями, ничѣмъ не оправдываемыми,—а общаго «педагогическаго совѣта», или «комитета учебныхъ заведеній». Но это учрежденіе должно быть вполнѣ самостоятельнымъ, а не такъ какъ нынѣ, какимъ то «*придаткомъ*», пристройкой къ гидрографическому управленію.

Повторимъ еще разъ, что если хотѣть быть послѣдовательнымъ, то руководство преподаваніемъ и программы занятій въ «академіи генеральнаго штаба» надобно отдать въ руки этого послѣдняго и его начальника. Главный,—мы готовы сказать, даже единственный—предметъ преподаванія должны составлять *военная наука* и искусство: стратегія и тактика. Заведеніе это назначается для людей вполнѣ зрѣлыхъ, прошедшихъ довольно длинную уже карьеру практической службы и поступающихъ въ академію не съ какою другою цѣлію, какъ только для довершенія своего *военнаго* образованія и для окончательнаго подготовленія своего къ высшимъ военнымъ обязанностямъ, къ командованію военными судами и веденію войны. Умъ ихъ и все вниманіе должны быть сосредоточены

на этомъ предметѣ. Поэтому не нужно, и даже вредно успѣху, было бы отвлекать ихъ какими нибудь болѣе или менѣе посторонними предметами и занятіями.

Но отдѣльныя отрасли нашей спеціальности такъ многочисленны,—съ другой стороны, чтобы имѣть твердое знаніе въ какомъ нибудь предметѣ, надо безпрестанно къ нему возвращаться и повторить «зады»,—вотъ почему можно допустить, чтобы при «академіи» существовали нѣкоторые вспомогательные курсы,— или же, чтобы занятія были такъ разсчитаны, чтобы не обременяли слишкомъ слушателей и допускали нѣкоторую долю свободнаго времени, которое могло бы быть употреблено ими для повторенія или возобновленія своихъ знаній въ той или другой отрасли, въ которой они могутъ чувствовать свою слабость или потребность укрѣпиться,—и къ этому, въ особенности въ столицѣ, конечно, есть всѣ средства.

Надобно, также, чтобы и система преподаванія соотвѣтствовала степени зрѣлости учащихся. Имѣя въ виду слушателей вполнѣ взрослыхъ и развитыхъ, надо, чтобы изложеніе освободилось отъ школьныхъ рамокъ и отъ всего, что напоминаетъ школьный характеръ. Преподающему надо смотрѣть на своихъ слушателей не какъ на учениковъ, которыхъ надо учить, а какъ на равныхъ себѣ по умственному развитію собесѣдниковъ, которыхъ ему предстоитъ убѣждать, или еще болѣе, какъ на сотрудниковъ, которыхъ надо привлечь къ совмѣстному обсужденію и разработкѣ задачи военнаго искусства.

Въ такомъ преподаваніи, касательно ли напримѣръ стратегіи, преподаватель не долженъ бояться входить даже въ самыя мелкія и неинтересныя подробности, ибо въ военномъ дѣлѣ нѣтъ мелочей, которыми бы можно было пренебрегать, и созидая стратегическій планъ военныхъ дѣйствій необходимо обращать вниманіе на все, что можетъ имѣть какое-нибудь вліяніе на ихъ исходъ; разбирая историческіе примѣры, онъ долженъ оставить вѣру въ принятые авторитеты и сложившіяся преданія; имѣть въ виду одни только факты, и смотрѣть на нихъ съ безпристрастнымъ равнодушіемъ ученаго, не уклоняясь отъ раскрытія нашихъ собственныхъ ошибокъ и про-

маховъ; настаивать на нихъ даже болѣе, чѣмъ на чемъ нибудь другомъ,—ибо изученіе ошибокъ, въ особенности нашихъ собственныхъ, поучительнѣе, чѣмъ изученіе успѣховъ, и ложный патріотизмъ не долженъ закрывать намъ глазъ на наши промахи и неудачи. Больше и лучше любитъ свое отечество тотъ, кто имѣетъ духъ раскрывать ему его ошибки и недостатки. Такъ напримѣръ, если профессору стратегіи придется разбирать съ своими слушателями большія войны начала текущаго столѣтія, въ которыхъ личность Нельсона представляется обыкновенно какимъ то морскимъ полубогомъ, онъ меньше, можетъ быть, будетъ останавливаться на его побѣдахъ, чѣмъ на его неудачахъ и ошибкахъ;—онъ покажетъ какъ въ 1798 г., Нельсонъ допустилъ французскій флотъ не только совершить совершенно безпрепятственно знаменитую высадку въ Египтѣ, но на пути еще остановиться, чтобы овладѣть Мальтою; какъ, въ 1805 г., онъ выпустилъ французскій флотъ Вильнева изъ Тулона и потерялъ его слѣдъ;—какъ, затѣмъ, увлекшись отыскиваніемъ Вильнева, позволилъ отвлечь себя изъ Европы, что именно составляло цѣль Наполеона, которому присутствіе англійскихъ эскадръ въ европейскихъ водахъ мѣшало привести въ исполненіе задуманную имъ переправу въ Англію изъ Булони. Правда, что промахи Нельсона были заглажены потомъ его нервною дѣятельностію и двумя блестящими тактическими побѣдами; но съ стратегической точки зрѣнія, начальныя ошибки этихъ кампаній гораздо болѣе поучительны и назидательны. Такъ, если мы, скрѣпя сердце, обратимся къ нашей собственной исторіи—и возьмемъ примѣръ, довольно уже удаленный отъ насъ, но столь глубоко врѣзанный въ умѣ и сердцѣ, что одно воспоминаніе о немъ, и нынѣ еще, пробуждаетъ боль старыхъ ранъ и стыдъ нравственнаго униженія, мы должны заглушить въ себѣ эти болѣзненыя чувства и только искать въ изученіи фактовъ поучительнаго нравоученія, сколь бы нравоученіе это оскорбительно ни было для нашего національнаго самолюбія. У насъ привыкли гордиться геройскими подвигами защитниковъ Севастополя и повторять стереотипную фразу о «неувядаемой славѣ» черно-

морскаго флота. «Слава»—можетъ быть вполнѣ заслуженная (въ этомъ всѣ согласны) патріотическимъ самоотверженіемъ и геройствомъ войскъ, какъ морскихъ такъ и сухопутныхъ,— но отнюдь не искусствомъ стратегіи нашей. (*) и хладнокровный анализъ всей войны того времени долженъ убѣдить каждаго, что она съ начала и до конца была съ нашей стороны рядомъ наивныхъ и грубыхъ ошибокъ, подготовившихъ, самымъ вѣрнымъ образомъ, наше пораженіе. Самою гибельною и самою грубою изъ нихъ, съ стратегической точки зрѣнія, была, конечно, первоначальная: избраніе Севастополя главнымъ основнымъ пунктомъ нашего флота, чѣмъ онъ никогда не долженъ былъ быть, ибо не удовлетворяетъ стратегическимъ условіямъ такого пункта, а рядомъ, на томъ же морѣ, мы имѣли Николаевъ, который представляетъ эти условія. Непризнаніе самыхъ коренныхъ законовъ стратегіи, рано или поздно, должно было привлечь на себя наказаніе и это, можно прибавить, было предвидѣно нѣкоторыми ясными умами впередъ. Преподаваніе, поставленное на такую нравственную высоту, конечно, было бы вполнѣ неумѣстно какъ въ морскомъ училищѣ такъ и для молодыхъ офицеровъ, не дозрѣлыхъ еще ни по опытности, ни по служебному положенію своему—для независимой самостоятельности сужденія, которая въ военномъ дѣлѣ составляетъ принадлежность начальниковъ и вождей, а не субалтернъ-офицеровъ.

Точно также и преподаваніе тактики въ «академическомъ» курсѣ должно характеризоваться тщательностію и подробностію, немыслимыми въ предварительномъ общемъ курсѣ, который можетъ быть предметомъ преподаванія этой науки въ морскомъ училищѣ. Въ этомъ высшемъ курсѣ, преподаватель долженъ входить въ подробный критическій анализъ какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ судовъ и ихъ средствъ нападенія и защиты. Какъ въ преподаваніи стратегіи, такъ и здѣсь, онъ не долженъ бояться раскрывать слушателямъ наши собственныя ошибки, и останавливать ихъ вниманіе на слабыхъ сторонахъ и недостаткахъ нашихъ судовъ.

(*) Вѣрно. *Замѣчаніе на поляхъ ген. Леера.*

Самая офиціальная тактика наша, тактика сигнальной книги, не должна быть для него неприкосновеннымъ фетишемъ; онъ не долженъ бояться столь же строго и невозмутимо подвергать ее научному разбору и критикѣ, какъ если бы дѣло шло о тактикѣ императора Льва или отца Госта. Все преподаваніе въ «академіи» генеральнаго штаба должно быть направлено къ тому, чтобы просвѣтить умъ и сформировать вѣрность военнаго взгляда и логичную прямоту сужденія слушателей.

Мы полагаемъ, что курсъ военной науки, въ такомъ широкомъ развитіи, не можетъ продолжаться менѣе двухъ лѣтъ, и желать сократить его, значило бы, впередъ обречь себя на недостиженіе цѣли. Но, въ теченіе этого времени, надобно также избѣжать другой опасности: чтобы слушатели не заржавились на берегу и не обратились въ кабинетныхъ тружениковъ, теоретиковъ, которыхъ намъ не нужно, пусть они, каждый годъ, въ теченіе лѣтняго времени отправляются съ своими профессорами присутствовать, не въ качествѣ участниковъ, а въ качествѣ только наблюдателей, на лѣтнихъ маневрахъ и тактическихъ занятіяхъ практическихъ эскадръ. Другая часть лѣта да будетъ посвящена, такъ называемымъ, стратегическимъ «поѣздкамъ» генеральнаго штаба. Пусть одна половина слушателей отправляется въ объѣздъ всего нашего прибрежья Балтійскаго моря; другая половина—въ объѣздъ прибрежья Чернаго моря, со всѣми ихъ стратегическими пунктами. Пусть они, подъ руководствомъ своихъ профессоровъ, изучатъ на мѣстѣ, de visu, условія и средства обороны, а по окончаніи своей лѣтней экскурсіи, пусть они результаты своихъ наблюденій и изученій представятъ для разбора и оцѣнки, или въ своемъ «академическомъ совѣтѣ», или еще лучше, въ главномъ управленіи генеральнаго штаба.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что въ «академію генеральнаго штаба» могутъ быть допускаемы только капитаны 2-го ранга или лейтенанты, выполнившіе всѣ предварительныя условія и имѣющіе дипломы или свидѣтельства въ томъ, что они прошли минный и артиллерійскій учебные курсы и въ

дѣйствительности исполняли обязанности какъ минnаго, такъ и артиллерійскаго офицера на судахъ. Окончивъ курсъ въ «академіи», они будутъ готовы быть старшими офицерами и командирами судовъ и мы можемъ утѣшать себя мыслію, что съ нашей стороны было сдѣлано все, что возможно, чтобы обезпечить флотъ и отечество наилучшими и самыми свѣдущими командирами судовъ. А это, какъ извѣстно, главный краеугольный камень силы и дѣйствительности флота. Въ то же время, они будутъ вполнѣ приготовлены, и зрѣлы для всѣхъ обязанностей «службы генеральнаго штаба».

Придетъ, можетъ быть время, когда необходимость высшаго военнаго образованія или большой «учености» будетъ признана общею потребностію для *всѣхъ* и у насъ не будетъ капитановъ, не прошедшихъ начертанный здѣсь curriculum. Во всякомъ случаѣ, естественно допустить, что офицеры, успѣшно окончившіе академическій курсъ и получившіе дипломъ генеральнаго штаба, будутъ предпочитаемы другимъ, при назначеніяхъ на мѣста командировъ судовъ. Ибо, если вообще можно допустить существованіе какого нибудь опредѣленнаго мѣрила достоинствъ и способности, или «*ценза*», то мѣрило это должно быть, по преимуществу только нравственное, основываясь на степени практическаго и теоретическаго знанія и опытности кандидатовъ, а не на слѣпомъ только счетѣ лѣтъ службы и числа кампаній на судахъ. Въ нашемъ флотѣ долго сохранялся анекдотъ о разговорѣ одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ адмираловъ съ офицеромъ, который пришелъ къ нему просить о какомъ то назначеніи. Офицеръ доказывалъ, что онъ имѣетъ право на это назначеніе, потому что «ходилъ вокругъ свѣта», что въ то отдаленное время считалось и было большою рѣдкостію. Адмиралъ, выведенный изъ терпѣнія настойчивостію просителя, сказалъ ему: «А вотъ я могу показать вамъ сундукъ, который со мною три раза «ходилъ вокругъ свѣта», и не сдѣлался нисколько отъ того умнѣе» (*). Не ариѳметическій разсчетъ лѣтъ и кампаній, а дѣйствительныя доказательства

(*) Это Фридриховъ мулъ. *Замѣчаніе на поляхъ ген. Леера.*

достаточности знанія и опытности по всѣмъ спеціальнымъ отраслямъ нашей службы, степень духовной зрѣлости кандидата и нѣкоторый навыкъ въ командованіи людьми должны ему открывать доступъ къ высокому званію капитана военнаго судна. Нечего опасаться того, что тотъ или другой болѣе способный офицеръ опередитъ своихъ товарищей и въ болѣе раннихъ лѣтахъ достигнетъ высшаго положенія въ служебной іерархіи (*). Вся выгода будетъ на нашей сторонѣ, ибо кромѣ зрѣлости умственной, онъ принесетъ съ собою и большой запасъ еще крѣпкаго, непотрясеннаго службою здоровья и слѣдовательно, болѣе продолжительное время отечество будетъ пользоваться его услугами. Fortuna jubet juvinem,—и капитаны судовъ должны быть молодыми. Это одно изъ главныхъ условій благаго состоянія морской силы и всѣ, не только знаменитые флотоводцы, но и вообще сколько-нибудь выдающіяся личности въ нашей карьерѣ, были изъ числа тѣхъ, которые рано достигали командованія судами. Примѣры противнаго до крайности рѣдки. Что лучшіе, наиболѣе здоровые и сильные индивидуумы и личности должны подыматься вверхъ и затѣнять и заглушать менѣе богато одаренныхъ,—это вѣдь неизбѣжный законъ природы для всѣхъ живыхъ существъ; противиться этому и идти противъ законовъ природы, въ пользу какой то неосуществимой въ дѣйствительности доктрины равенства и отвлеченной справедливости для всѣхъ, болѣе гармонирующей съ демократическимъ ученіемъ о «правахъ человѣка», чѣмъ съ сильными принципами крѣпкой военной и государственной власти, значитъ сознательно портить дѣло, въ ущербъ истинному интересу флота. Главная цѣль и задача состоитъ не въ томъ, чтобы никого не обойти и не обидѣть, а въ томъ, чтобы извлечь изъ способностей имѣющагося личнаго состава наибольшую выгоду на пользу флота и отечества. Интересы страны (**), государ-

(*) До нельзя вѣрно. *Замѣчаніе на поляхъ ген. Леера.*

(**) Общіе интересы, а не частные. *Замѣчаніе на поляхъ ген. Леера.*

ства, надо прежде всего и непрестанно имѣть въ виду,—а интересы лицъ—на второмъ планѣ, только насколько они не противорѣчатъ и совмѣстимы съ первыми. Къ этой главной цѣли мы хотѣли бы и вести дѣло; замѣна нынѣшняго *ариѳметическаго* — «ценза» другою, болѣе раціональною оцѣнкою и мѣриломъ, основаннымъ единственно на суммѣ практической опытности и знанія, откроютъ дорогу молодымъ, а серьезныя занятія военной наукою въ академіи, расширивъ познанія и умственный горизонтъ идей, возвысятъ качества и *нравственный* «цензъ» будущихъ капитановъ нашего флота. Это будетъ уже одна заслуга академіи. Съ другой стороны, она также дастъ единственное средство морскому вѣдомству имѣть и подготовлять впередъ компетентныхъ дѣятелей для работъ собственно генеральнаго штаба.

Хотя, изъ всего сказаннаго, и можно видѣть, но, можетъ быть, полезно повторить еще разъ, что требуя высшаго военнаго образованія если не для всѣхъ морскихъ офицеровъ, то, по крайней мѣрѣ, для большинства, и въ особенности для тѣхъ, которые приготовляются занимать высшіе мѣста и посты по строевой части, мы не можемъ имѣть въ виду учрежденіе особливаго *корпуса* генеральнаго штаба; мы требуемъ не замкнутой *корпораціи*, а только военнаго образованія генеральнаго штаба и требуемъ его для большинства строевыхъ офицеровъ флота. Вся особенная служба и всѣ спеціальныя работы генеральнаго штаба, какъ въ строевыхъ частяхъ на эскадрахъ и въ портахъ, такъ и въ центральномъ управленіи, могутъ быть исполняемы строевыми офицерами, получившими академическое образованіе. Всѣ эти офицеры, въ свободные отъ строевой службы промежутки времени, когда они не несутъ строевыхъ обязанностей и не командуютъ судами, или когда ввѣренные имъ суда зимуютъ въ гаваняхъ или вовсе не вооружаются, могутъ быть употребляемы для службы генеральнаго штаба и быть отчисляемы всякій разъ, когда это нужно, въ непосредственное распоряженіе главнаго или центральнаго управленія генеральнаго штаба.

Служба генеральнаго штаба раздѣляется на двѣ отрасли дѣятельности: 1) *внѣшнюю* или «полевую», при войскахъ, или какъ у насъ, при эскадрахъ и въ портахъ, и 2) *внутреннюю*, въ центральномъ управленіи, при министерствѣ.

На генеральномъ штабѣ «въ полѣ» лежатъ многія важныя обязанности. Генеральный штабъ при войскахъ, есть настоящее орудіе командованія, и потому въ большей или меньшей степени необходимъ при каждомъ нѣсколько значительномъ отдѣльномъ корпусѣ или отрядѣ, заключающемъ части, принадлежащія разнымъ родамъ оружія. У насъ, какъ и на сухомъ пути, мѣсто для него прямо указано вездѣ, гдѣ представляются аналогичныя условія и положенія, при каждомъ сколько-нибудь значительномъ отдѣльномъ командованіи, въ военныхъ портахъ и на эскадрахъ, гдѣ уже, и теперь, имѣются должности, прямо принадлежащія генеральному штабу — какъ напр., начальниковъ штабовъ въ портахъ, флагъ-капитановъ на эскадрахъ, и т. п.

Обязанности, принадлежащія къ «полевой» службѣ генеральнаго штаба въ войскахъ, двоякаго рода: съ одной стороны, онѣ заключаются въ передачѣ распоряженій командующаго и въ наблюденіи за надлежащимъ ихъ исполненіемъ; съ другой стороны, генеральный штабъ долженъ быть также вспомогательнымъ органомъ командующаго по части свѣдѣній и справокъ, справочною его книгою. Умъ командующаго долженъ быть по возможности покоенъ и свободенъ отъ мелочныхъ заботъ; онъ не долженъ обременяться массою подробностей и детальныхъ свѣдѣній, которыя ему, однако, безпрестанно бываютъ необходимы по всѣмъ отраслямъ и направленіямъ, касающимся его командованія. Генеральнаго штаба обязанность все знать и все видѣть, и быть всегда готовымъ отвѣчать на всѣ вопросы, которые могутъ возникнуть въ головѣ начальника. Случаевъ «немогузнайства», которые, по преданію, приводили въ отчаяніе знаменитѣйшаго изъ полководцевъ нашихъ, при исправномъ генеральномъ штабѣ не должно представляться. Посмотримъ, что у насъ существуетъ на самомъ дѣлѣ.

Во-первыхъ, какъ формируются походные штабы отдѣльныхъ эскадръ? Берутся для этого или офицеры прямо изъ строя, неимѣющіе понятія о степени важности и обширности ихъ обязанностей, или же офицеры, болѣе или менѣе занимавшіеся штабными работами, но отставшіе и чуждые строевой судовой службы. Если, конечно, нельзя теперь требовать, чтобы флагманы сами происходили изъ генеральнаго штаба, котораго у насъ нѣтъ, то позволительно ожидать отъ нихъ, чтобы они обладали образованіемъ и свѣдѣніями генеральнаго штаба. Но чѣмъ болѣе самъ флагманъ образованъ, чѣмъ серіознѣе онъ смотритъ на свои обязанности, тѣмъ болѣе онъ будетъ ощущать недостатокъ дѣйствительнаго при себѣ помощника и будетъ совсѣмъ иначе себя чувствовать, если вмѣсто такого импровизованнаго штаба, онъ получитъ отъ управленія генеральнаго штаба опытныхъ высокообразованныхъ сотрудниковъ, понимающихъ важное значеніе своей роли и приготовленныхъ къ ея исполненію, которые принесутъ съ собою на эскадру послѣднее слово и идеи главнаго генеральнаго штаба.

Затѣмъ, въ военныхъ портахъ, къ службѣ генеральнаго штаба относится все, что касается мобилизаціи и военной готовности судовъ, приписанныхъ къ порту—все, что касается оборонительнаго состоянія порта и сношеній съ сухопутною его обороной,—наконецъ, все, что вообще составляетъ принадлежность военнаго порта какъ центра мобилизаціи, арсенала и стратегическаго базиса. Въ этомъ отношеніи, мѣстный генеральный штабъ долженъ быть главнымъ сотрудникомъ и главною подпорою начальника порта, и нѣтъ сомнѣнія, что положеніе вещей въ портахъ, въ этомъ отношеніи, могло бы быть значительно исправнѣе настоящаго и во многомъ измѣниться къ лучшему, если бы служба генеральнаго штаба въ нихъ получила надлежащее развитіе.

Наконецъ, обращаясь къ организаціи общей морской обороны нашего прибрежья, мы, конечно, должны признаться, что у насъ ея еще не существуетъ и почти ничего, по этой части, не сдѣлано. Но это не можетъ такъ оставаться. Рано или поздно, можетъ быть въ моментъ войны, принуждены

будутъ за это взяться. Все, что касается внутренняго устройства этой обороны,—управленія округами или отдѣлами на которые она будетъ подраздѣлена, — сношеній и связи ея съ сухопутною частью, — все это прямо относится къ службѣ генеральнаго штаба, и здѣсь, при обширности нашихъ морскихъ окраинъ, опять потребуется значительное развитіе этой службы и значительное число офицеровъ, которыхъ у насъ нѣтъ,—офицеровъ съ большою опытностью и съ высокимъ военнымъ образованіемъ, чтобы морская оборона не подпала исключительному вліянію сухопутнаго генеральнаго штаба, чего мы не можемъ желать, ибо не можемъ признать за нимъ достаточной компетентности въ дѣлѣ преимущественно или чисто морского характера, которое мы обязаны знать лучше.

Можно замѣтить что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется совокупное дѣйствіе двухъ вѣдомствъ, или гдѣ морское вѣдомство приходитъ въ соприкосновеніе съ сухопутнымъ, морское вѣдомство играетъ всегда незавидную роль, стушевываясь передъ этимъ послѣднимъ, что происходитъ не отъ чего другого, какъ отъ того, что оно встрѣчается съ высшею силою интеллигенціи, съ людьми, которые обладаютъ большею самоувѣренностью, потому что они чувствуютъ, что стоятъ на твердой почвѣ, которую даетъ классическое изученіе предмета,—чего именно, намъ, и не достаетъ. При всемъ нашемъ уваженіи къ высокому образованію сухопутнаго генеральнаго штаба, мы не можемъ, однако, закрывать глаза на происходящую отъ того *односторонность* и не желать, чтобы морская точка зрѣнія получила больше вниманія въ вопросахъ смѣшаннаго характера. А для этого нужно только, чтобы сила интеллигенціи была болѣе уравнена съ обѣихъ сторонъ и представители наши не уступали сухопутнымъ въ степени высшаго военнаго образованія.

Но независимо отъ обязанностей службы внѣшней, или «полевой» большое число офицеровъ потребуется и для *внутренней* службы и работъ въ министерствѣ, въ главномъ или центральномъ управленіи генеральнаго штаба. Несмотря на массу разнородныхъ занятій, которая лежитъ на этомъ управленіи, возможность пользоваться трудомъ всѣхъ офицеровъ

генеральнаго штаба, не занятыхъ строевыми обязанностями и службою на судахъ, и призывать ихъ въ центральное управленіе всякій разъ, какъ скоро въ этомъ ощущается надобность, дастъ съ одной стороны большую эластичность средствамъ центральнаго управленія, а съ другой, позволитъ сократить и въ значительной степени ограничить постоянный личный составъ генеральнаго штаба въ министерствѣ.

Штабная служба офицеровъ въ главномъ или центральномъ управленіи не должна быть слишкомъ продолжительною. Офицерамъ, которымъ мы здѣсь присвоили названіе офицеровъ генеральнаго штаба, надо весьма остерегаться, чтобы не утратить свою практичность и не заржавѣть въ береговыхъ и бумажныхъ занятіяхъ. Они не должны, поэтому, долго засиживаться въ штабѣ. Самые начальники отдѣленій штаба не должны оставаться на этихъ мѣстахъ болѣе 2-хъ или, самое большее, 3-хъ лѣтъ. Для того же, чтобы не прерывалась нить теченія канцелярской работы, надобно, во-первыхъ, чтобы перемѣны въ личномъ составѣ дѣлались не вдругъ, а по разсчитанной очереди, и во-вторыхъ, надо имѣть въ личномъ составѣ управленія нѣкоторую долю второстепенныхъ дѣятелей изъ постоянныхъ канцелярскихъ чиновниковъ, дѣлопроизводителей или архивистовъ.

Намъ остается сказать еще о внутренней организаціи главнаго или центральнаго управленія генеральнаго штаба. Вникая ближе въ характеръ и свойство многочисленныхъ и разнообразныхъ работъ и занятій, которыя на него ложатся и составляютъ его спеціальную область, можно замѣтить, что теоретически всѣ они могутъ быть отнесены къ той или другой изъ трехъ главныхъ сторонъ дѣятельности генеральнаго штаба: статистической, инспекторской и стратегической, и слѣдовательно, по крайней мѣрѣ теоретически, могли бы быть раздѣлены на три рубрики. Но практическое удобство заставитъ, можетъ быть, въ интересѣ успѣха работы прибѣгнуть къ болѣе дробному подраздѣленію и распредѣлить дѣла и занятія штаба не на 3, а примѣрно на 4 или 5 рубрикъ, изъ коихъ каждая могла бы имѣть свой собственный, довольно рѣзко очерчен-

ный характеръ дѣятельности. Каждой изъ нихъ можетъ соотвѣтствовать особенное отдѣленіе штаба.

Правильное распредѣленіе и строгая, по возможности, спеціализація работы составляетъ условіе хорошей административной системы. Не должно возлагать на тѣхъ же дѣятелей веденіе дѣлъ разнороднаго характера, ибо это будетъ всегда въ ущербъ того или другого; таково общее свойство человѣческой натуры: мы не можемъ заниматься двумя вещами вдругъ, и если мы сосредоточиваемъ наши вниманіе на одномъ предметѣ, то не видимъ и забываемъ другіе, даже близко окружающіе. Бываютъ, конечно, исключенія и люди необыкновенныхъ талантовъ, но на такія исключенія и на исключительные таланты и дарованія въ своихъ дѣятеляхъ, административная система не имѣетъ права разсчитывать. Мы полагаемъ поэтому, что въ центральномъ управленіи могутъ быть слѣдующія отдѣленія:

1) *инспекторское*,— дѣла по инспекціи флота, судовъ и командъ и состояніе готовности къ мобилизаціи и войнѣ морскихъ силъ и морской прибрежной обороны;

2) *статистическое*, съ архивомъ:— собираніе и обработка свѣдѣній объ иностранныхъ государствахъ, ихъ флотахъ, портахъ, приморскихъ укрѣпленіяхъ, морскомъ движеніи торговли, и проч.;

3) *стратегическое*:— приготовленія плановъ военныхъ дѣйствій, плановъ мобилизаціи флота и морской прибрежной обороны, разработка программы флота;

4) *тактическое*: разработка тактики въ полномъ ея объемѣ, типовъ новыхъ судовъ и табелей, ихъ комплектаціи и снабженія, сигнальная часть;

5) *распорядительное*:—движеніе и плаванія судовъ, морскіе маневры; управленіе личнымъ составомъ и академіею генеральнаго штаба.

Но организованное, такимъ образомъ, управленіе ничѣмъ бы еще не отличалось отъ всякаго другого министерскаго департамента и не имѣло бы большаго нравственнаго авторитета чѣмъ такой департаментъ. Для того, чтобы работы его не

имѣли того же канцелярскаго или бюрократическаго оттѣнка, чтобы заключенія его встрѣчали надлежащее довѣріе и имѣли рѣшающій вѣсъ, представляется необходимымъ дополненіемъ имѣть высшій «совѣтъ» управленія или «комитетъ» генеральнаго штаба. Этотъ «совѣтъ», имѣющій во главѣ предсѣдателемъ начальника генеральнаго штаба, долженъ разбирать, въ высшей инстанціи, важнѣйшія работы, доклады и предположенія всѣхъ отдѣленій штаба, программы академическихъ занятій и личныя работы офицеровъ генеральнаго штаба вообще. Совѣтъ этотъ можетъ быть составленъ изъ нѣсколькихъ адмираловъ и старшихъ капитановъ, изъ числа имѣющихъ дипломъ генеральнаго штаба и не занятыхъ строевыми обязанностями. Начальникъ генеральнаго штаба, пользуясь содѣйствіемъ и совѣтомъ лучшихъ изъ старшихъ строевыхъ чиновъ, избѣжитъ опасности изолироваться въ своемъ высокомъ положеніи, а управленіе его не будутъ подвержено опасности впасть въ недостатки замкнутаго департаментскаго характера, и мнѣнія генеральнаго штаба не будутъ мнѣніями только министерскаго департамента, а выраженіемъ мнѣній флота и лучшихъ его представителей. На этихъ же членовъ «совѣта» или «комитета» можетъ быть возложена обязанность производить инспекторскіе осмотры судовъ, командъ или береговыхъ учрежденій по порученію или делегаціи начальника генеральнаго штаба, ибо этотъ послѣдній при всѣхъ другихъ его занятіяхъ не можетъ имѣть возможности часто дѣлать это лично, а частые, внезапные и непрестанные инспекціи и осмотры у насъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь необходимы для того, чтобы вся система не впадала въ сонъ, къ чему мы, къ сожалѣнію очень склонны.

«Начальникъ генеральнаго штаба» долженъ быть вполнѣ освобожденъ отъ управленія или завѣдыванія личнымъ составомъ флота, [какъ въ нынѣ дѣйствующемъ «положеніи» начальникъ главнаго штаба. У него будетъ и безъ того слишкомъ много всякаго рода заботъ и занятій, принадлежащихъ къ неотъемлемымъ обязанностямъ генеральнаго штаба. Какъ инспектору всей боевой и военной исправности флота, ему несомнѣнно подлежитъ инспекція и личнаго состава, наравнѣ съ инспекціей

матеріальной части,— по этимъ и должно ограничиваться его вліяніе на личный составъ, а управленіе этимъ послѣднимъ должно принадлежать особому департаменту личнаго состава. Настоящее положеніе тѣмъ и грѣшитъ, что нынѣшнему начальнику главнаго морского штаба и его управленію приписано слишкомъ много обязанностей, нѣкоторыя изъ коихъ или совсѣмъ излишни, или же должны были попасть въ другія отрасли управленія,— и еще болѣе тѣмъ, что должности начальника штаба приданъ двойной характеръ. Съ одной стороны, онъ *инспекторъ*, т. е. надзиратель, критикъ; съ другой, прямой *распорядитель* управленія личнымъ составомъ, т. е. одной изъ частей своей собственной инспекціи. Такимъ образомъ онъ долженъ будетъ самъ о себѣ доносить и докладывать, что по личной, по крайней мѣрѣ, части у него все исправно. Такое совмѣщеніе двухъ разнородныхъ отраслей правительственной дѣятельности: *инспекторской* и *распорядительной*, въ одномъ лицѣ и въ одномъ управленіи, противно и основнымъ принципамъ порядка административнаго и здравой логикѣ. Это все равно какъ, если бы, въ какомъ-нибудь экономическомъ учрежденіи, тѣмъ же лицамъ была поручена и хозяйственно-распорядительная часть, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и контроль надъ оною. Неминуемымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ такой ошибки должно быть поглощеніе одною изъ вѣтвей дѣятельности другой и захудѣніе этой послѣдней. Правильный исходъ, изъ этого неправильнаго положенія, можетъ состоять только въ совершенномъ раздѣленіи двухъ отраслей, смѣшанныхъ нынѣ въ управленіи «главнаго» штаба: управленіе личнымъ составомъ должно составить отдѣльный самостоятельный департаментъ, а собственно въ «штабѣ» остаться только спеціальная часть генеральнаго штаба: инспекторская, статистическая и стратегическая съ подраздѣленіемъ этого штаба, какъ сдѣлано выше, на 5 или какое либо другое число «отдѣленій», смотря по удобству работы.

Мы не думаемъ, чтобы здѣсь было полезно болѣе останавливаться на подробностяхъ внутренней организаціи управленія генеральнаго штаба; для насъ достаточно было намѣтить общій духъ и направленіе, которое должно придать этому

учрежденію. На бумагѣ, не трудно составлять законы и положенія, и можно нерѣдко видѣть подобныя упражненія; но это занятіе равносильно писанію на водѣ. Мы поставили себѣ задачею только показать, какъ должна бы была быть организована военная сторона нашей службы,— та сторона, которая обращена лицомъ къ непріятелю. Мы полагаемъ, что все, что здѣсь изложено, можетъ быть сдѣлано и исполнено, не прибѣгая ни къ какимъ крутымъ «преобразованіямъ» и «ломкѣ» существующаго. «Ломать» надо какъ можно рѣже и тогда лишь, когда ясно доказано, что существующія учрежденія вредны и парализуютъ успѣхи нашего оружія. Но стремиться имѣть болѣе и выше, чѣмъ теперь, образованныхъ офицеровъ,— поставить ихъ на ту же степень высоты, въ этомъ отношеніи, какъ сухопутные ихъ собратія по оружію,— извлечь изъ молодыхъ и свѣжихъ силъ и дарованій все, что они могутъ дать и что изъ нихъ извлечь можно,—не значитъ подвергать что-либо ломкѣ, а скорѣе утвердить существующее, и стремленіе это не можетъ клониться ни къ чему иному, какъ къ усовершенствованію нашей службы — на пользу, честь и, можетъ быть, славу родного оружія и отечества.

Май 1888 г. И. Лихачевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
I. Вице-адмиралъ Иванъ Ѳедоровичъ Лихачевъ	1
Детство	2
Служба и плаванія до войны 1854 г.	3
Дѣятельность въ Севастополѣ	3
Назначеніе адъютантомъ къ генералъ-адмиралу	5
Записка о состояніи флота 1859 г.	6
Проектъ выручки посольства Игнатьева	9
Назначеніе на Востокъ и выполненіе проекта	12
Залитіе Новгородской бухты	13
Вопросъ о Цусимѣ и занятіе этого острова	15
Командованіе броненосной эскадрой	29
Дѣятельность за границей агентомъ	30
Выходъ въ отставку	31
Литературная дѣятельность по морскимъ вопросамъ	33
Служба генеральнаго штаба во флотѣ	34
Взгляды о задачахъ народнаго образованія	43
Заключеніе	44
II. Служба генеральнаго штаба во флотѣ	47